

А.Е. Значев. Ф. РС. Часть 12. Доклады ДД.
Том-423, том 11 (1) часть, том 12 часть со
АН СССР, 1973. С. 392-414, 452-475.

995с.

ся не будем, они не представляют специфики репертуара Сибири. В основном нас интересуют новые варианты песен или совершенно новые тексты, возникшие в Сибири. Мы не имеем возможности подробно останавливаться на истории текстов, на характеристике песенников. Глава строится на исторической последовательности событий, которые сопровождались определенными песнями.

ПЕСНИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Русско-японская война, развязанная японскими империалистами, помещиками и капиталистами России, была несправедливой, захватнической. Народ был против этой войны. Большевики разъясняли народу, что война между Россией и Японией является преступной, грабительской, что она выгодна только капиталистам и помещикам и направлена на ослабление революционно-демократического движения.

Отношение народа к войне хорошо выражено в песнях того периода. С первых же дней войны в народе с новой силой оживили старые рекрутские и солдатские песни, в которых нашли яркое отражение тяжести войны, полностью ложившиеся на плечи трудового народа. На войне человек подвергается различным испытаниям. Молодой солдат или офицер за час сражения с врагом может поседеть, приобрести столько морщин, что станет похожим на пожилого или даже старого человека. Обо всем этом поется в песнях.

Участники русско-японской войны свидетельствуют, что в период мобилизации в солдаты большой массы людей в 1904 году особенно широкое распространение имели песни о войне. В частности, почти во всех районах Сибири бытовала песня, возникшая в период русско-турецкой войны и прославлявшая героизм русских солдат, защищавших Шипку. Эта песня известна под названием «Шипка», или «Как мы стояли на «Шипке». Приведем ее наиболее популярный вариант, неоднократно записанный в Западной и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Вспомним, братцы, как стояли
Мы на Шипке в облаках,
Как мы турок отгоняли,
Нагоняли на них страх.
Рано, рано на рассвете,
Чуть забрежит лишь туман,
Вновь на Шипку наступает
Недобитый Сулейман.
Все турецкие аскеры
Шипку били прямо лбом,
Мы угощали их без меры
То прикладом, то штыком.
Временами плоховато,
Не щадил нас господь-бог:

От рассвета до заката
Отдохнуть никто не мог.
Свисты пуль и гром гранаты
День и ночь над головой,
Голод, холод: — А ну, ребята,
Приготовься снова в бой!
Много крови мы пролили,
Много бед повынесли,
Мы про Шипку не забыли,
Горе, муку вынесли.
Мы на Шипке вражью свору
Разметали, разнесли,
Это было в трудну пору,
Не забудем про те дни¹.

¹ Данный вариант записан нами в 1940 году от Петра Максимовича Загоруйко, 1890 года рождения, неграмотного, в селе Доно Калгинского района Читинской области. П. М. Загоруйко — участник гражданской войны в Забай-

Как видим, песня довольно оптимистична. Несмотря на тяжесть войны, русский солдат считал своим долгом защищать честь и независимость своей страны, помогать братским народам в борьбе с захватчиками. Но в то же время в песне говорится о голоде и холоде, которые испытывает солдат на войне, и о крови, которую приходится проливать ему в сражении с противником. Было немало песен и с примесью квасного патриотизма, но не они составляли основу песенного репертуара данного периода. В большей части песен представлена довольно объективная картина войны. Например:

Под ракитою зеленой
Русский раненый лежал,
Грудь его штыком пронзена,
Крест свой медный прижимал.
А из раны кровь бежала
На истоптанный песок,
Разны пташечки слетались —
Чуют свеженький кусок...¹

или:

Как во поле-полюшке елочка стоит,
Елочка стоит, стоит кудреватая.
А под этой елочкой казачок лежит убитый,
Конь его стоит².

Таких песен бытовало немало, и в каждой из них война — причина гибели ни в чем не повинных людей, разрухи, голода и нищеты. Народ рассматривал начало каждой войны как новое бедствие. Стоном и слезами сопровождалась мобилизация в царскую армию, особенно во время войны. Вот одна из старинных песен, которую хорошо помнил весь русский народ:

Не кукушечка во сыром бору кукует,
Не соловушка во сыром бору громко свищет —
Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет,
Обливается добрый молодец горячими слезами.
Как берут добра молодца во неволю,
Уж как вяжут добру молодцу белы руки,
Что куют, куют добру молодцу скоры ноги,
Что везут, везут добра молодца, везут в город,
Отдают добра молодца в царскую службу,
Что во ту, во ту службу царскую, во солдаты³.

В годы русско-японской войны особой популярностью пользовалась песня «Последний нынешний денечек». Она продолжает бы-

калье, его отец — русско-японской войны и дед — русско-турецкой. Эта песня часто исполнялась в доме Загоруйко. Ее певцами были сын, отец и дед. После исполнения песни П. М. Загоруйко сказал, что это одна из любимых песен его деда Терентия Васильевича, что дед очень любил рассказывать о защитниках Шипки. Впервые данный вариант песни опубликован в сб. «Фольклор казаков Сибири», стр. 37—38. В этом же сборнике (стр. 36—37) имеется и другой вариант песни.

¹ «Фольклор Тункинской долины», стр. 165.

² Там же.

³ Там же, стр. 164.

товать и в наши дни как горькое воспоминание о суровой царской солдатчине. Приведем первые ее строки:

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры,
Заплачет мать, родной отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой шел я под венец,
Еще заплачет дорогая,
С которой три года гулял¹.

«Закатилось солнце красное», «Светит месяц и заря», «За лесом солнце воссияло», «Зачем меня пуля так рано сразила», «По диким пустыням ковыльным», «Полно вам, ребятушки, плакать, горевать» и многие другие также были широко известны и, как правило, исполнялись во время проводов на войну. Репертуар рекрутских песен был очень большим, подробно на нем останавливаться нет нужды, так как значительная часть его опубликована². Здесь мы ссылаемся только на наиболее популярные тексты, без которых не проходили проводы в солдаты на войну.

Таким образом, повторяем, что репертуар песен русско-японской войны включает в себя не только песни, возникшие в этот период, но и песни, широко бытовавшие среди рабочих и крестьян в более раннее время. На одной из них следует остановиться более подробно, потому что она была не только популярной, но и больше других песен была связана с началом русско-японской войны. Здесь имеется в виду песня под названием «Ах, за что нас забрили в солдаты», но нередко она встречается под несколько измененным названием, но с таким же содержанием. В последние 50 лет, как свидетельствуют записи, хранящиеся в государственных рукописных фондах, в личных архивах, и многочисленные печатные тексты, указанная песня бытовала во всех краях и областях Сибири. Многочисленные варианты этой песни существенно не отличаются друг от друга, что говорит об устойчивости текста. В самом распространенном варианте поется о том, что приходится расставаться с семьей, что на войне предстоит убивать людей, а в награду получишь осиновый крест:

Ах, за что нас забрили в солдаты,
Угоняют на Дальний Восток,
Неужели я в чем виноватый,
Что я вырос на лишней вершок?
Оставляю я дом свой отцовский,
Оставляю старушечку мать,
Оставляю жену молодую,
В край далекий я еду страдать.

Там дадут нам в руки винтовки
И заставят людей убивать,
Оторвут там нам руки и ноги,
В лазарете придется лежать.
На могилу снесут наши кости,
В яму общую всех покладут,
И за кровь нашу, раны глубокне
Крест осиновый в награду дадут!

¹ «Фольклор Тункинской долины», стр. 163—164.

² См.: «Фольклор Тункинской долины», «Фольклор казаков Сибири», «Фольклор семейских», «Фольклор Прибайкалья» и другие.

³ Записано от участника русско-японской войны Владимира Родионовича Округина, 1876 года рождения, неграмотного, в станице Богдаты Газимуро-За-

В период русско-японской войны на этот же мотив возникла песня «Ах, зачем забирают в солдаты», популярная в Забайкалье и дошедшая до наших дней в отдельных отрывках. Как вспоминают участники войны, песня была длинной и в период рекрутчины вызывала слезы у родных, отправлявших своих сыновей или мужей на фронт. Она была как бы народным похоронным маршем. В сохранившихся трех куплетах поется:

Ах, зачем забирают в солдаты,
Отправляют на Дальний Восток,
Там японские рвутся снаряды,
И играет на солнце клинок...
Разыграется битва на поле,
Будут падать солдаты кругом,
И, как раб во цепях и неволе,

Смерти ждать будешь день ты за
днем.
Похоронит тебя неизвестный.
И за что ты погибнешь вдали?
Не найдут твои дети родные
Старый холмик, забытый в степи¹.

Народные песни, исполнявшиеся во время проводов в царскую армию, на фронт, вызывали у народа ненависть к проклятой войне, начатой буржуазией в своих интересах. Такие песни составляли отдельный цикл.

Другой цикл представлен песнями новобранцев. Это прежде всего песни, в которых выражены чувства человека, вынужденного расстаться с семьей и уехать в неземной край, на верную смерть. В первые дни русско-японской войны часто звучала следующая песня:

Да распроклятая служба,
Да распроклятая война,
Разлучает нас, несчастных,
Да разлучает навсегда.
Вот вагончики подали,
Паровоз пары набрал,
Как телят, в вагон впахали,
Никто слова не сказал.
Прощайте, братья и невеста,
Прощайте, славные друзья,
Быть может, больше вас не встречу,
И похоронят там меня.

Колеса шибко застучали,
В вагонах стала тишина,
А новобранцам тяжело, горько,
По их щекам катит слеза.
К Иркутску разом подъезжаем.
Вагоны снова набивают,
Уж ни сидеть и ни стоять,
Куда уж там, а время спать.
Вот Верхнеудинск и Чита,
Шумят вокзалы до отказа,
А может, нас везут сюда,
Мы в ожидании приказа.

водского района Читинской области в 1940 году. «Эту песню знали все казаки Забайкалья, — сказал В. Р. Округин, — в ней только слова новые, а мотив-то тут все знали, как ее петь. Потом на фронте с японцами мы ее пели. Оказалось, что почти все сибиряки ее тоже поют. Верно, шибко-то громко нельзя было петь, за такие песни спрос был. Как начальству не в поправу придется, то скоро и жизнью рассчитаешься. На фронте разговоры коротки, скажут: «Иди вон ту сопку занимай», куда денешься, идти надо, тут тебе и конец придет, японец-то не картошкой пулял, у него снаряжение не хуже нашего было. Песни все в окопах тайком приходилось петь, только про боженьку да про славных солдат можно было во все горло мотивы выводить».

¹ Песня записана от участника русско-японской, гражданской и первой мировой войн Филата Егоровича Горбунова в поселке Максимиха Баргузинского аймака Бурятской АССР в 1937 году. «Песню шибко любили петь. Дома пели, там, на войне, тоже наши солдаты пели. После войны, когда нас из плена во Владивосток привезли, мы ее на демонстрации пели, за нее нас там арестовали и посадили в тюрьму, потом, выпустили, сразу посадили в телушки и домой до Верхнеудинска», — вспоминал Ф. Е. Горбунов.

Гремит по рельсам паровоз,
Везут все дальше на восток,
Там ждут маньчжурские поля,
Чтоб удобрил их телом я.

Куда ни глянь — солдаты хмуры,
Не к теще на блины везут,
Кто навязал войну ребятам,
Под пули сами пусть идут¹.

Г. С. Новиков-Даурский сообщил, что некоторые варианты песни имеют продолжение. Возможно, он имел в виду три куплета, которые были записаны в 1938 году в городе Канске от Е. Н. Пушкарской:

Привезли и разгрузили
В чистом поле у камней,
А потом про нас забыли,
Так сидели восемь дней.
И ни хлеба, ни похлебки,
С голодухи стали ныть:

— Не добудешь хвост селедки,
Как же дальше будешь жить?
Сами в бой мы попросились,
Стали нас поить, кормить,
А то бы жизни тут решились,
Вот как может дело быть².

Эти строки, возможно, и являются продолжением названной песни, но они появились гораздо позже основного текста, который действительно пелся новобранцами по дороге на фронт.

Как видим, с невеселым настроением ехали солдаты на фронт, они знали, что многим из них больше никогда не придется встретиться с родными. Но еще больше угнетало их другое: в царской армии солдаты по существу не считались за людей, с первых дней мобилизации они подвергались унижениям и оскорблениям. Вот что пелось в одной из популярных песенок:

Офицеры водку пьют,
Солдат верных в морду бьют,
Все с солдатского котла
Подбирается до тла.
Офицерики-детины
Солдат считают за скотину,

По три шкуры с них дерут,
И за их же счет живут.
Солдат гонят на войну,
Почему, я не пойму,
Офицерам на войне
Война снится лишь во сне³.

Песни с такими мотивами в годы русско-японской войны были лишь первыми ласточками, которые разносили на своих крыльях открытый протест против бесчинства офицерского корпуса, против рукоприкладства, широко практиковавшегося в царской армии.

Участники русско-японской войны свидетельствуют, что песни были почти единственной формой духовной пищи во время следования на фронт, ибо о газетах и журналах не могло быть и речи. Среди солдат нередко были случаи дезертирства и преднамерен-

¹ Из записной книжки известного сибирского краеведа Г. С. Новикова-Даурского, участника русско-японской войны. В примечании к песне сказано, что она записана им от группы солдат, только что прибывших на фронт. Это самый полный вариант, другие записи представлены лишь отдельными отрывками из данной песни.

² Записано от Евдокии Николаевны Пушкарской, 1881 года рождения, в городе Канске в 1938 году. Песню эту знал ее муж, участник русско-японской войны, который часто исполнял ее. По его словам, ее знали все солдаты, участвовавшие в войне с японцами.

³ Записано от А. Н. Никифорова в городе Иркутске в 1936 году. Песня была прислана А. Н. Никифорову с фронта его товарищем П. Киселевым с припиской: «Пели ее дорогой, поем и тут».

ных ранений. В репертуар песен, исполнявшихся солдатами в первые дни жизни на военной службе, когда эмоциональное восприятие их особенно острое, в основном входили песни о разлуке, о неволе, сиротские, песни каторги и ссылки. Один из участников русско-японской войны в своих воспоминаниях указывал, что новобранцы, которые ехали на фронт, только тем и занимались, что пели песни. «Не успевала закончиться одна, как, смотришь, из какого-нибудь угла вагона уже несется новый мотив песни, который тут же подхватывается почти всеми новобранцами. Удивительно то, что они пели всем вагоном. Оказывается, люди из разных мест Сибири знали одни и те же песни и пели их очень дружно. То же самое я наблюдал и на фронте. Стоило только запеть, как находились десятки людей, знающих эту песню. Благо, что дорогой мы могли петь любые песни, потому что офицеры, их благородие, ехали от нас отдельно»¹.

На фронте появилось много новых песен, отражающих ход войны, бездарность царских генералов и адмиралов, продажность и предательство некоторых офицеров, действия армий противника. Русские солдаты вели свою песенную летопись, которая и по сей день является верным свидетельством отношения народа к войне, отношения простых людей к тем, кто ее затеял.

Фронтные солдатские песни можно классифицировать на несколько циклов. К первому циклу мы относим песни, дающие общий обзор войны, ко второму — песни, отражающие отдельные моменты фронтовой жизни, в которых ярко видны отношения солдат к происходящим событиям и фактам, к третьему — песни, воспевающие храбрость русских солдат, силу русского оружия.

Обзор событий, происходивших на войне, дается в большой песне «Тоги подводит итоги», пользовавшейся значительной известностью среди солдат и младших чинов русской армии. Отдельные отрывки этой песни мы записывали на протяжении многих лет в разных районах Западной и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В Восточном Забайкалье старики и теперь еще поют отдельные ее строфы. Песня бытовала под разными названиями: например, «Тоги убирает ноги», «Как наместник-генерал нас японцам запродавал», «Как Куроки дает уроки». Как отмечено выше, полного варианта песни сибирские советские фольклористы не записали. Наиболее известный текст ее найден в Омском государственном архиве Н. В. Соболевой. В личном фонде участника русско-японской войны Ивана Николаевича Березовского оказалась рукопись с текстом песни «Итоги до марта месяца», с примечанием, что ав-

¹ Из рассказа Павла Семеновича Чистякова, 1873 года рождения, грамотного, бывшего полкового писаря. Запись произведена в 1940 году в селе Богдаты Газимуро-Заводского района Читинской области. П. С. Чистяков на фронте вел дневник, в котором было больше трех десятков песен, исполнявшихся солдатами. Часть этих песен мы используем в нашей работе.

тор ее не известен, что она распевалась многими нижними чинами, казаками и восточными солдатами в 1905 году¹.

По своему содержанию это сатира на многих русских генералов и адмиралов, на их неудачи. Песня начинается с высмеивания незадачливого предателя генерала Фока, затем в ней достается заместителю Алексееву, генералу Куропаткину и приближенному царя авантюристу Безобразову, одному из организаторов клики, ввязавшей страну в войну с Японией. Уже по первым куплетам видно, что авторы сатиры и ее носители резко осуждали войну и действия высшего офицерского состава. Вот как начинается вариант, записанный И. Н. Березовским:

У Цзиньчжоу храбрый Оку
Нос утер младенцу Фоку,
А Засуличу Куроки
На Ялу давал уроки.
Все грозился на злодеев
Сам заместник Алексеев
И его ближайший друг
Генерал домашний Флуг.
Куропаткин в Ляоляне,
Словно заяц в гаоляне,
Как ни бился молодец,
Но запутался вконец.
Стессель словно на заказы
Пишет громкие приказы...

А адмирал лихой Макаров,
Ловит с Маглисом омаров.
Скрыдлов ищет все пути
Флот последний разнести.
Безобразов топит в море
Монополок свое горе...
У него печальный вид.
Он несчастный состоит
Где-то в обществе спасанья
На водах — главой собранья.
Как Иессен на мели,
Отличился и сиди.
Честь тебе и слава,
А на шею Станислава.

Бездарности и продажности командования противопоставляется храбрость русских солдат. Как известно, в первые дни войны японцы не могли взять Порт-Артур и вынуждены были сделать длительную передышку. Об этом в песне встречается следующий куплет:

И с Артуром мудрый Того
Не сведет никак итогов,
А туманы, ветры, бури —
Все мешают Камимури.

Дальше дается характеристика Штакельбергу, который и на войне продолжал разгульную жизнь. В разных вариантах песни ему посвящаются по четыре-пять четырехстрочных куплетов. В записи И. Н. Березовского ему отводится 14 строк, наполненных едким сарказмом:

Храбрый немец Штакельберг
Всех в смущение поверг,
Ждали — вот укажет друг,
Но вернулся он без брюк.
Между тем возил на бой
Шансонеток двух с собой,
Двух французов поваров,

Лошадей и кучеров...
И издал такой указ,
Чтоб резервы в этот раз
Охлаждали среди боя
Слишком пылкого героя,
Поливая тот вагон,
Где сидел на поле он.

¹ Восточными солдатами обычно называли солдат царской армии, отбывавших военную службу на Дальнем Востоке, в данном же случае — участников русско-японской войны.

О том, как генералы и адмиралы позорно провалили все боевые операции, а затем постарались скрыться в укромных местах, поется в следующих строфах:

Вильгельм Карлов Витгефт
Сделал нам такой гешефт,
Ставил он вопрос ребром,
Но расшиблен был ядром.
А за них Ухтомский князь
Не ударил лицом в грязь,
И, свою спасая шкуру,
Он пробрался к Порт-Артуру.
Реценштейн, наш адмирал,

Без оглядки убежал,
Поискав покойный край,
Он отправился в Шанхай.
И оттуда он донес,
Сколько горя перенес,
Сколько напастей и бед,
Одержал миллион побед;
И за то в награду он
Был совсем разоружен.

Немного поживился враг за счет русского флота, немало потерял своих кораблей. Об этом сказано кратко лишь в одном четверостишии, но очень образно и выразительно, поэтому эта строфа встречается почти во всех записанных вариантах:

Уж во все концы земли
Разбежались корабли,
Та что мудрый Того
Их загнал домой немного..

Заканчивается песня строками о незадачливом Куропаткине. Здесь, как и в некоторых других вариантах, подтверждаются слова поговорки, возникшей тогда на войне: «Куропаткин гений при отступлении». Эти слова в песне расшифровываются следующим образом:

А двадцатого числа
Нас нелегка принесла...
В наступленье на Куроку
Куропаткин вышел сбоку.
Перейти-то перешел,
Да насили сам ушел;
Вот без всякого сомненья
Гений он при отступленьи.

И не только на Темин,
Он уйдет и за Харбин.
У него для оборон
Много собрано икон,
И спасут его святые,
Унеся в края родные,
Сохраният от всяких бед
И бесчисленных побед...¹

Хотя это наиболее полный известный вариант песни, но в нем нет некоторых подробностей, встречающихся в записях других текстов этой же песни. Так, в одной из записей после строфы «о мудром Того» говорится:

Растерял он корабли,
Как чужи, так и свои,
И домой вернулся он,
Как француз Наполеон.
Куропаткина разбили,
А солдат не победили:
Русский выстоял в бою,
Защищая честь свою².

¹ Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 1154 (личный фонд Ивана Николаевича Березовского, участника русско-японской войны, коммуниста, защитника завоеваний Советской власти в Омской области), оп. 1, ед. хр. 1, лл. 16—17.

² Из варианта песни, записанной от И. В. Хреновского, 1881 года рождения, неграмотного, в селе Боярском Кабанского аймака Бурятской АССР в 1947 году.

В другой записи имеется такая строфа:

Кто в бою не побывал,
Солдатской каши не едал
Тот стороной прошел войну,
Спасал он голову свою¹.

Теперь трудно себе представить, в какой последовательности исполнялись отдельные строфы, каким был первоначальный вариант песни, но ясно, что песня была злободневной. Ее широкая известность — свидетельство открытой критики трудящимися самодержавно-крепостнического строя.

Еще более популярной была сатирическая песня с широко известным названием «Дело было в Порт-Артуре», распевавшаяся на мотив старой русской песни «Дело было под Полтавой». Текст этой песни встречается во многих записных книжках участников русско-японской войны, она стала известна в период первой русской революции. Песня возникла в ходе боев за Порт-Артур и сначала распространялась в рукописном виде, а затем стала бытовать устно. Участники русско-японской войны говорят, что песню «Дело было в Порт-Артуре» они впервые услышали в начале 1905 года, но она так быстро распространилась, что вскоре ее уже знали все солдаты и нижние чины русских войск. Варианты песни по размеру разные: от 6 до 20 и более строк. Все варианты пользовались одинаковой популярностью, строфы комбинировались в разной последовательности.

В нашем распоряжении три наиболее полных варианта песни «Дело было в Порт-Артуре». Вариант, обнаруженный в дневнике активного участника первой русской революции Д. Т. Карелина, состоит из 24 строк с припевом: «Грянем песню удалу, грянем, славные друзья». Д. Т. Карелин записал его со слов своего брата, участника русско-японской войны, матроса с канонерской лодки «Кореец». Песня начиналась словами:

Дело было в Порт-Артуре,
Дело дрянное, друзья,
Поругались мы с японцем
Из-за нашего царя.

Такое начало не встречается ни в одном из других вариантов. Обычно песня начиналась с куплета:

Было дело у Артура,
Дело скверное, друзья...
Того, Ноги, Камимура
Не давали нам житья.

Второй вариант нам известен по рукописи И. Н. Березовского². Третий список, в литературном отношении наиболее грамотный,

¹ Из песни, записанной от Даниила Тимофеевича Карелина, активного участника революции 1905 года, члена боевой дружины, в городе Чите в 1940 году.

² ГАОО, ф. 1154, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 18—19.

опубликован в газете «Солдат», выходившей в Либаве. Под песней имеется дата — 15 апреля 1906 года. Все остальные тексты, записанные в Сибири в разное время, представляют собой лишь часть полных вариантов. В основном бытовали 6—8 строк песни, передававших главный ее смысл.

Автором песни был человек достаточно образованный, хорошо знавший русскую поэзию. Он также был прекрасно знаком с русской народной поэзией: многие ее известные строки органически вошли в строфы новой песни. Умело использованы строки из народных песен в куплетах, осуждающих войну:

Мы с соседкой желтолицей
Ей-же-ей сцепились зря...
«Полечу я вольной птицей
Да за синие моря...»
Уж давно готовы лодки,
Мы поедem в край иной...
«Ну, садись, моя красотка,
Только рядышком со мной».

Приказали нам от берега
Удалиться в два часа...
«Пропадай моя телега,
Все четыре колеса».
Может, лодочка потонет,
Окажуся я в воде...
«Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове...»

Дальше автор использует слова из арии Мефистофеля:

Там стоял «Варяг» железный
И «Кореец» с ним как раз...
«Выходи, о друг мой нежный,
Был свиданья час...»

Из басни И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» заимствованы строки, призванные характеризовать неподготовленность царской армии к войне с Японией:

Порт-артурцы проглядели,
Как на нас нашла гроза...
«Оглянуться не успели,
Как зима катит в глаза...»

Но чаще других в песне встречаются строки из известных песен с текстами А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова:

Грустно, вяло и несмело
Рать солдат пустилась в путь —
«Ноги босы, грязно тело
И едва прикрыта грудь...»
Куропаткин горделивый
Прямо в Токио спешил...
«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил?...»

Вот уж он на бранном поле,
Слава северных дружин...
«Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин».
А наместник уезжает,
Безвозвратно, навсегда...
«Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда».

Здесь в каждом слове чувствуется презрение простого народа к тем, кто предал интересы страны, кто после боевых поражений хочет скрыться. Особенно сильно достается Куропаткину, который обнаружил свою бездарность не только перед русскими солдатами, но и перед противником. Вот два наиболее характерных куплета:

Куропаткину обидно,
 Что не страшен он врагам...
 «В поле бес нас водит, видно,
 Да кружит по сторонам...»
 А Ойяма наступает
 Ночью и при свете дня,
 «Посмотри: вон, вон играет,
 Дует, плюет на меня».

Песня заканчивается строфами, в которых открыто осуждается неподготовленность русской армии к войне, бесцельность войны, вызвавшей ненужные жертвы. Но позор этот падает не на русских солдат, не на русское оружие, а на царизм, на тех, кто гнал солдат в неравную схватку с противником.

Содержанию песни соответствует форма. В первых двух строках последней строфы констатируется факт, а в двух последующих строках дается оценка его в самых отрицательных чертах и в самом широком плане:

С Порт-Артуром попрощайся, Получил большущий нос... «Гром победы раздавайся, Веселися, храбрый росс». Ходят пленники, как тени, Без Отчизны, без семьи... «Ах, вы сени, мои сени, Сени новые мои».	Генералов вереница, Офицеров без числа... «Спой мне песню, как синица Тихо за морем жила». Поработал на солдата Интендантский хоть куда... «Хороши наши ребята, Только славушка худа» ¹ .

В дневнике Д. Т. Карелина имеется запись: «Мой брат А. Карелин рассказывал, что песня «Дело было в Порт-Артуре» пелась сразу же после того, как Порт-Артур пал». По словам А. Карелина, эту песню очень не любили офицеры и «было даже так, что, если в какой роте эту песню запоют, то стараются ее в бой послать, чтобы неугодные солдаты там за нее головой рассчитались». А. Карелин принес и вторую песню «Дело было в Порт-Артуре», которую пел и Д. Т. Карелин. От него мы записали в 1940 году указанный текст с совершенно новым содержанием. В нем воспевается храбрость русских солдат, не щадивших своей жизни ради защиты отечества, и осуждалось предательство представителей высшего командования. Судя по содержанию, эта песня возникла сразу же после падения Порт-Артурса и пленения ее защитников. С болью в сердце вспоминают солдаты об огромных жертвах, принесенных в угоду кучке богачей. Хотя в песне и нет открытого протеста против существующего строя, но всем своим содержанием она призывает к борьбе с самодержавием. Знакомый мотив песни способствовал росту ее популярности. Очень простая по форме, песня легко запоминалась:

Дело было в Порт-Артуре, Дело славное, друзья: Там дрались мы с супостатом	Против нашего врага. Гром гремел, стреляли пушки, Мы с врага снимали стружки,

¹ Песня цитируется по дневнику Д. Т. Карелина без припева, который приведен в тексте выше.

Ох, досталось им тогда
 И от русского штыка.
 Мы в атаку там ходили,
 Ихних много порубили,
 Но и нам досталось страсть,
 Пришлось головы покласть.
 Порт-Артур весь защищался,
 Орех крепенький достался,
 Да толку мало вышло в том,

Сдать его пришлось потом.
 Стессель шкуры запродам,
 Алексеев нас предал,
 Кто погибнуть не успел,
 Тот попал к японцам в плен.
 Дело было в Порт-Артуре,
 Дело славное, друзья:
 На фортах крепко стояли,
 Не забудем никогда¹.

Этот же вариант песни встречается у носителей фольклора многих краев и областей Сибири. Подобный текст записан нами от большого знатока песен и местных преданий, участника русско-японской войны Алексея Корнеевича Костина из села Ленинска Еврейской автономной области Хабаровского края. Этот глубокий старик когда-то был в личной охране Куропаткина. Он вел дневник, в котором имеются очень интересные материалы, в частности песни. Но самое интересное то, что 94-летний А. К. Костин помнил многие песни наизусть. После прочтения песни в дневнике он сказал: «На слух-то еще ноне вспомнил куплетик. Запиши себе и мне в книжечку, пригодится:

С моря бьет японец крепко,
 Но не так, чтоб шибко метко,

А другие так по-разному пели:

С моря бьет японец крепко,
 Но не так, чтоб шибко метко,
 Хоть урон и небольшой,
 Не дает он нам покой.
 Передышки нет от боя,
 От снарядов нет покоя»².

¹ Последняя наша встреча с Д. Т. Карелиным состоялась в 1952 году. Тогда он говорил, что его дневник со временем будет сдан в Читинский областной государственный архив или в рукописный фонд Читинского областного краеведческого музея. В 1954 году автор дневника скончался, но дневника ни в архиве, ни в музее нет. Ценность дневника большая. Д. Т. Карелин долгое время работал фельдшером, с 1902 года был членом РСДРП, в 1905—1906 годах — членом боевой дружины, с 1906 года — членом комитета РСДРП города Читы. В дневнике Д. Т. Карелина содержится много ценных материалов. Записи производились грамотно.

² А. К. Костин, 1873 года рождения, во время русско-японской войны сначала был в охране Куропаткина в чине старшего урядника (старший унтер-офицер в казачьих войсках), затем в одном из боевых полков. А. К. Костин имеет несколько записных книжек, исписанных вдоль и поперек, в которые он заносил разные сведения и впечатления. Небольшие интересные записи относятся к русско-японской и первой мировой войнам. Наряду с характеристиками некоторых офицеров и солдат, в дневнике много песен, которые любил петь А. К. Костин. Он пользовался полным доверием солдат, никогда ни на кого не доносил, часто приходил к солдатам, чтобы поговорить с ними и потом попеть любимые песни. За это А. К. Костин имел немало неприятностей и получил чин урядника только в 26 лет. Из-за своей неблагонадежности он не получал повышения, так в этом чине он и встретил Октябрьскую социалистическую революцию, сразу же перешел на сторону Советов и с оружием в руках защищал завоевания пролетарской революции. Со своими дневниками он не расстается, показал их нам и разрешил прочитать только после многократных бесед и просьб. О песнях он сказал, что лучше их записывать со слов, чем списывать из записных книжек.

Мы сделали некоторое отступление, не закончив разговор об основном варианте, и привели совершенно новую версию на известный напев «Дело было в Порт-Артуре». Необходимо указать на некоторые особенности варианта, записанного И. Н. Березовским непосредственно в ходе боев в период русско-японской войны. В этой записи встречаются строфы, которых нет в других вариантах, и строфы со строками в новой редакции. Так, например, строфа, рассказывающая о судьбе крейсеров «Варяг» и «Кореец», дана в более строгой редакции, с соблюдением ритма и строфы:

Там «Варяг» стоял железный
И «Кореец» с ним как раз.
«Выходи, о друг мой нежный,
Уж пробил последний час».

За нею следует новая строфа, которой нет в других записях:

И враги рукою властной
Потопили двух, как мух.
«Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух».

Адмирал Макаров, как и в других вариантах, характеризуется как герой, но в силу общей неподготовленности царской России к войне и бездарности главного командования он гибнет в сражении. В песне об этом поется следующим образом:

И пустился в путь-дорогу Сам Макаров, наш герой, «Дам тебе я на дорогу Образок святой».	«Рыболов ли взят волнами Или хмельный молодец».
В море выплыл с кораблями, Да и вышло наконец:	Приутихли балалайки, Что бренчали на всю Русь. «Делать нечего, хозяйка, Дай кафтан, я поплетусь».

Отношения между русскими и китайцами выражены в строфе, следующей за описанием, как приходится незадачливому полководцу метаться со своими войсками по полям сражения:

И китаец, как хозяин,
Раскритится иногда:
«Что ты ночью бродишь, Канн,
Черт занес тебя сюда...»

За строфой о том, что враг дует и плюет на Куропаткина, имеется еще несколько строф, в которых четко характеризуется бездарность Куропаткина и других высших офицеров и ставленников царя, предавших интересы простого народа, ввергших в беду десятки тысяч ни в чем не виновных русских солдат:

От Артура до Мукдена Отступали мы толпой. «Провалилась Аграфена И ни с чем пошла домой».	Понабравшись страху вволю, Стессель сам идет к врагу: «Мне и хочется на волю, Цепь порвать я не могу».
Долго порт-артурцы ждали, Да устали чересчур, «Уж и вина вздоржали, И осталось мало кур».	Дружбу вы мою примите, Я, голубчик, не могу, «Стерегите, как хотите, Я и сам не убегу».

Вариант И. Н. Березовского заканчивается несколько перефразированной строфой, которая встречается во всех вариантах:

Поработал интендантский,
Наш чиновник без греха.
«Хороши наши ребята,
Только славушка плоха»¹.

Таким образом, песня «Дело было в Порт-Артуре» имела определенное назначение — показать солдатам и нижним чинам царской армии, трудовому народу антинародную сущность войны, развязанной русской и японской буржуазией, разлагающимся самодержавно-крепостническим строем, который не в состоянии вести войну, бездарность и продажность командования русской армии.

Многовариантность песни свидетельствует не только о ее популярности, но и о том, что она создана коллективом авторов. Они правильно уловили основной смысл войны, кому она выгодна и кто должен нести за нее ответственность. Высмеивая и осуждая генералов и адмиралов, ответственных за ход войны, авторы песни осуждали существующий строй, его неспособность к дальнейшему руководству страной. Такая сатира в то время незаметно подтачивала устой самодержавия, воспитывала народ в духе необходимости замены существующего строя новым, который обеспечил бы прогрессивное развитие страны, дал бы демократические права трудовому народу.

Песен, в которых резко критиковались не только отдельные представители командования, но и общественный строй в целом, были десятки.

В народных песнях больше других высмеивался командующий сухопутными войсками генерал Куропаткин. В одной из частушек, распевавшихся во время войны солдатами, попавшими в плен, и многими сибиряками, пелось:

Куропаткин генерал
На Восток наш прискакал.
— Я япошку разобью,
На грудь орден получу.

На что же надеялся Куропаткин? Он был уверен, что победить японцев ему поможет бог:

Куропаткин генерал
Офицерам всем сказал:
— Вот придут сюда вагоны,
Полюбуйтесь на иконы,
Может, бог пошлет победу,
Не пошлет, так я уеду.

Царь осчастливил всех участников войны:

¹ ГАОО, ф. 1154, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 18—19.

Располным, полны вагоны,
Не снаряды, а иконы,
Приволок их царь сюда,
Да девать их здесь куда?

Иконы были получены, но они не помогли победить японцев. В частушке поется, что Куропаткин не в состоянии командовать войсками, потому что у него плохо работает «котелок».

С Куропаткиным стояла —
Ничего не говорит,
У него насчет победы
Котелочек не варит.

В других частушках поется о том, что война поглощает очень много народных средств, что эти средства расходуются бессмысленно, что значительная часть их попадает в карман тех, кто ими распоряжается. Сам Куропаткин во многих частушках представлен как хвостун, немало нажившийся за счет действующей армии. В двух таких частушках поется:

Куропаткин генерал,
Много денег промотал,
Много хвастался, хвалился,
А на деле провалился.
Куропаткин генерал
Всех солдат обворовал,
Коньяки и водку пил,
Про войну совсем забыл.

В результате:

Мы японцев не разбили,
В дураках остались,
А потом попали в плен,
Долго там мотались.

Солдаты пели частушки, которые характеризовали Куропаткина не только как бездарного командира, но и как человека без определенного мнения, человека, пресмыкающегося перед царем и его придворными. Подобных частушек много, но приведем лишь две из них:

Эй, Куропаткин, не сердись,
В тебе толку мало,
Нашим, вашим не живи,
Как бы ни попало.
Куропаткина я знаю:
Ох, какой «бедовый»,
Разве голову сменить —
Будет он толковый!

Содержание частушек указывает на то, что они распевались во время войны, когда сухопутными войсками русской армии командовал Куропаткин. Разумеется, такие произведения, пользовавшиеся известностью у солдат, не укрепляли дисциплины, не

¹ Записано от Ф. Е. Горбунова, в прошлом запевалы в ротах и на батареях, где ему приходилось служить. Он знал большое количество частушек и помнил их на протяжении нескольких десятков лет.

поднимали авторитет своих офицеров, не способствовали победе. Здесь встает один очень важный вопрос. Как могли распространяться в армии песни и частушки, разлагавшие ее устои, подрывавшие авторитет ее командиров и военачальников? На этот вопрос отвечают сами участники русско-японской войны. Ф. Е. Горбунов, с первых дней участвовавший в защите Порт-Артура, побывавший в плену и вернувшийся домой, свидетельствует: «В окопах и траншеях, в блиндажах и землянках мы были предоставлены сами себе. Офицеров с нами не было, они только изредка навещали нас между боями и когда начинался бой. До нас доходили разные слухи, что дома в народе брожение сильное, что хотят царя спихнуть. Кто это должен был сделать, мы не знали, но верили, что такое может случиться. Здесь мы, на войне, как бывало стрельба стихнет, начинаем дела обсуждать, свои недовольства высказывать. Генералам часто кости перемывали, меж собой-то нам бояться не приходилось. Были и такие, что песенки складывали про то, как бои проигрываем, как Куропаткин безголовый, как баран солдат в бой посылает. То их в одно место тыркает, то в другое. Вечерами собирались и песенки пели. В них всем доставалось: и Куропаткину, и Стесселю, и Фоке. Тут такой генерал был. Про него мы такие частушки пели:

Фока, Фока генерал
Нас японцам запродам.
Попадется в лапы нам,
Крепко стукнем по зубам.
Отобьем бока и рыло,
Скажем все, что так и было.

Где ты, Фока, был вчера,
Тебя искали кучера.
Ты сидел в полном комфорте,
Не нашли тебя на форте,
С шансонетками гулял,
Наши деньги пропивал.

Так открыто пели солдаты, которых наказывали, а больше так проходило. Офицеры за наказание солдат могли и своей жизнью в бою расплатиться. Пуля могла не в ту сторону полететь»¹.

Солдат во время русско-японской войны заявлял о своих правах, он давал чувствовать, что перестанет быть послушным оружием в руках господ офицеров. Он стал разбираться во многих делах, разоблачал неблагоприятные деяния представителей царской администрации. Среди солдат, участвовавших в русско-японской войне, была популярна песня «Зимушка-зима» совершенно нового содержания. В переделке пелось о том, как побочный дядя Николай Второго, бывший наместник Дальнего Востока, генерал-адъютант Алексеев отдал распоряжение рубить лес по реке Ялу, не принадлежащей России, и тем самым вызвал недовольство Японии. На продаже леса наместник нажил миллион рублей. В этой же песне поется о незадачливом «флотоводце» Старке, совершенно неспособном командовать боевыми кораблями:

Алексеев генерал
Лес на Ялу вырубал,
И пошел по свету звон,
Что он нажил себе миллион.

Старк команду получил,
Крейсер на мель посадил,
Смотрит, выпучив глаза:
«Эко божия гроза».

¹ Записано от Ф. Е. Горбунова в 1947 году.

За все провинности и преступления генералов и адмиралов не наказывают. Алексеев хвастается, что победа над японцами будет обеспечена, между тем сотни и тысячи солдат гибнут неизвестно за что. Мысль об этом в песне выражена довольно прямолинейно:

Наказания бог не шлет,
Алексеев шибко врет:
Японцев будто разгромим,
Флаг победы водрузим...
А японцы бьют, колотят,
В молотилке как молотят,
Много наших полегло,
А кому то помогло?

Этот вопрос тревожит всех. В песнях все чаще начинают звучать мотивы бессмысленности войны: народу она навязана сверху, жертвы не приносят успехов, они не нужны трудовому народу. Солдаты больше не верят пропаганде, которая усиленно велась среди солдат, якобы скоро придёт на фронт новый командующий, который исправит все дело, что все жертвы не пропадут даром. Солдаты на это отвечали песней:

Куропаткин генерал Все иконы собирал, А приехал за Байкал, Ровно церковь обокрал. И с попами все молился, Победить врага хвалился,	А японцы не дремали, Броненосцы наши рвали. Столь добра пошло на дно, Только выплыло дерьмо, По велению божьих сил, Всплыл известный всем Кирилл.

В заключительном куплете песни говорится, что желание у солдат одно — чтобы земля как можно скорее освободилась от тех, кто стал ей ненавистным:

А для нас бы лучше так:
Куропаткин, Фок и Старк,
Чем штанами тут трясти,
Лучше б все на дно пошли!

Впоследствии эта песня стала очень популярной в европейской части страны, на Урале и во всей Сибири. Многие варианты ее существенно отличаются друг от друга, в некоторых из них события русско-японской войны даны в более широком плане, они связываются с началом открытого революционного движения по всей стране². Как бы ни оценивали солдаты события русско-японской войны, они еще были далеки от конкретных задач, которые ставил перед собой рабочий класс в период русской революции 1905 года. Солдаты были убеждены, что они прежде всего защищают свою

¹ Записано от Степана Васильевича Иванова, 1867 года рождения, неграмотного, участника русско-японской и первой мировой войн, в селе Бичуре Бурятской АССР в 1947 году.

² См.: «Фольклор Урала», вып. 1. Исторические сказы и песни. (Дооктябрьский период). Собрал и составил Б. П. Бирюков. Под общей редакцией И. Н. Розанова. Челябинск, 1949, стр. 67—68.

родину, священную русскую землю, поэтому и дрались с врагом, не жалея свой жизни. В одной из любимых песен забайкальского казачества поется, что русские солдаты со своим храбрым генералом готовы идти в бой с любым врагом и уверены в победе. Песня «Забайкальские казаки» заканчивается словами:

Не жилось японцу тихо, Вздумал с нами воевать, Погоди-ка, будет лихо, Будем мы тебя трепать. Он затеял с нами ссору Да и, верно, не один, Подай-ка нам простору, Наш восточный господин.	Люди, все же люди знают: Будешь русскими побит. Если с русскими связался, То пословицу ты знай: «Если груздем ты назвался, То и в кузов полезай». Пусть японцы наступают, Зададим трезвону им!

Во многих песнях воспеваются храбрость солдат и некоторых офицеров. Самодержавие использовало в своих интересах любовь русских людей к родной земле и выдавало их верную службу как службу за царя, отечество и веру. Под этой идейной шелухой, в частности, прославлялся подвиг рядового Рябова. На этой песне следует остановиться подробнее. В сентябре 1904 года рядовой из охотничьей команды 284-го Чембарского полка Василий Рябов добровольно вызвался пробраться в расположение японской армии и собрать о ней необходимые сведения. Он переделался в китайскую одежду и на станции Янтай перешел передовую цепь противника, но здесь же был схвачен японскими солдатами. Над Рябовым состоялся суд. Его приговорили к расстрелу. Рябов героически принял смерть, он не просил пощады, ни одним словом не обмолвился о состоянии русских войск. Подвигу Василия Рябова была посвящена песня, известная под названиями «Песня о Рябове», «Вы, сибирцы удалые». Хотя было известно, что песня возникла в 1904 году и сразу начала распеваться участниками русско-японской войны, полный ее текст был записан только в начале 50-х годов омским фольклористом И. С. Коровкиным:

Вы, сибирцы удалые, Вспомним славу Рябова.	Тут разъезд его схватил И к допросу приступил. — Расскажи-ка ты, наш брат, Сколько есть у вас солдат, И какой ваш генерал, И куда он путь держал, Сколько пушек впереди, Сколько войска позади. Если скажешь, наградим И отпустим ко своим. А не скажешь, как шпион, Будешь нами осужден. — Не скажу я вам ни слова, На то русский я солдат. Крест и знамя целовал, И царю я обещал ³ .
Припев: Э-э-эх, герой, На разведку боевой ² . Рябов был солдат отважный, Не боялся ничего. На разведку он ходил, Все начальству доносил. Темной ночью дождевой Он задумал подвиг свой. Темной ночью нету звезд, Едет вражеский разъезд. Рябов спрятаться хотел В чистом поле, не успел.	

¹ «Фольклор казаков Сибири», стр. 42—43.

² Припев повторяется дважды после каждого двух строк.

³ Записано Иваном Семеновичем Коровкиным от Петра Васильевича Глебова, 1889 года рождения, в селе Красноярке Ульяновского района Омской

В ноябре 1904 года в Одессе вышел лубок с изображением Рябова: он стоит на коленях и молится, а позади стоят японские солдаты. Пропагандистское значение этого лубка ясно выражено в подписи. Когда Рябову задали вопрос: «Не имеет ли что сказать перед смертью?», он якобы ответил: «Готов умереть за царя, за отечество и за веру».

История этой песни имеет продолжение. Песня пользовалась большой известностью в годы первой мировой войны. В подавляющем большинстве имеющихся записей она заканчивается словами: «Крест и знамя целовал, Свою землю защищал»¹. В целом же текст песни довольно устойчивый. Припев в некоторых вариантах отсутствует, в некоторых — несколько изменен: «Солдат Рябов герой, На разведку боевой». Интересны и сведения о Рябове. Многие носители песни утверждают, что Рябов совершил свой подвиг на русско-германском фронте в начале первой мировой войны, потому что в середине войны песня уже была известна почти во всей русской армии. О Рябове ходили предания, что он, переодевшись в немецкую форму, ходил по ротам и полкам немцев как на фронте, так и в тылу как свой человек и добывал для русского командования очень ценные сведения, что выдал его предатель, случайно оказавшийся в немецком разъезде².

В период гражданской войны песня о Рябове подверглась новым переделкам. Ее героем стал солдат, борющийся за Советскую власть. Вариант песни под названием «Рябов был солдат отчаянный» заканчивался словами, которые он произносит во время допроса у белогвардейцев:

Ничего я не скажу вам,
На то красный я солдат³.

Вскоре после этого варианта, который по времени возникновения был первым в советском фольклоре периода гражданской войны, возник новый вариант. Прототипом известной песни «Красноармеец был герой» также является «Песня о Рябове». Красноармеец попадает в плен к белогвардейцам, его допрашивают:

области в 1953 году. Эту песню П. В. Глебов впервые услышал на военной службе в период первой мировой войны в Польше около города Цеханова в 1915 году. П. В. Глебов рассказал, что песню о Рябове привезли с собой новобранцы из Иркутска. Запись песни хранится в личном архиве И. С. Коровкина, копию сняла Н. В. Соболева в 1971 году.

¹ Из варианта, записанного от Марии Егорьевны Азарниковой, неграмотной, 1882 года рождения, в селе Кадая Калгинского района Читинской области в 1963 году. «Муж мой ее с германской войны привез. Любил петь, вот и эту песню вместе со мной частенько пел. Да тут ее в каждом доме знали», — говорила М. Е. Азарникова.

² Из воспоминаний участников первой мировой войны Якова Захаровича Бурлакова, Степана Егоровича Истомина, Степана Яковлевича Брянского, Григория Иустиновича Загибалова, Ивана Ксенофонтовича Баранчукова и других. Запись производилась на протяжении 1936—1952 годов в селе Брянске Кабанского аймака Бурятской АССР.

³ «Фольклор семейских», стр. 350.

— Расскажи-ка ты нам, брат,
Сколько есть у вас солдат,
Сколько пеших впереди,
Сколько конных назади?
Если скажешь, наградим,
Офицерский чин дадим,
А не скажешь, как шпион
Будешь нами расстрелен.

— Расстреляйте, не боюсь.
За Советску власть борюсь¹.

История различных вариантов песни о Рябове показывает, насколько сильны песенные традиции. На отдельных этапах исторического развития народа одна и та же песня с незначительными изменениями играла большую роль в его воспитании. Подробное исследование истории отдельных песен раскрывает подлинную картину формирования взглядов широких трудящихся масс на те или иные общественные явления. Поистине песни — барометр времени. Как по пульсу определяется работа сердца, так по песне прослеживается духовное состояние каждого класса общества.

О героизме и бесстрашии солдат, проявленных на русско-японской войне, поется во многих других песнях. Наиболее популярными из них в Сибири были «На взморье мы стояли, на японском берегу» и «Бой» («Горит закат огнем пурпурным»). В песне «На взморье мы стояли» поется о непобедимости русских войск, о том, что японцам никогда не устоять против русских. Обращаясь к врагу-японцу русский солдат поет:

Как у русских войска много,
Русский любит угостить,
Угостит свинцовой пулей,
На закуску острый штык,
Штык стальной четырехгранный,
Он насквозь тебя пронзит².

Песня «Бой» рассказывает о подвиге солдат одного полка, который вышел победителем из жестокой схватки на реке Шахе. В этом бою японцы испытали на себе силу русского оружия, умение русских солдат вести себя скромно и смело. Песня «Бой» была походной маршевой песней. Один из ее полных вариантов заканчивается такими словами:

На сопку полк летел орлами,
Путь расчищая свой штыком,
Путь был посланный телами
Врага кичливого стрелком.
Раз-два.
Там батарея взята с бою,
И пулеметы, пленных строй,
А дальше полк наш шел грозою,
Каков наш подвиг боевой?

Раз-два.
Пройдут года. Над нашей сопкой
Кошмар и ужасы замрут,
А японец будет часто
Наших, русских вспоминать.
Раз-два.
Эх, на реке Шахе бесшумно
Пришлось японцам погибать.
Раз-два³.

¹ «Фольклор семейских», стр. 349.

² Там же, стр. 154.

³ Там же, стр. 157.

Таких патриотических песен в период русско-японской войны было не так много. В большинстве из них говорилось о бессмысленности войны, несправедливости солдат, грубости офицеров, тяжелом положении семей, оставшихся дома без кормильцев. Эти песни составляют не только большую часть песенного репертуара изучаемого периода, но и по своему социальному звучанию коренным образом отличаются от так называемых походных песен, воспевающих силу русского штыка. В песне «Далеко в стране Востока» прямо указывается, что сын крестьянина, попавший на военную службу и отправленный на войну, превращается под воздействием палки и муштры в послушное сружие самодержавия. В песне так и поется: «Зверей делают из нас». Но здесь же солдат выражает желание покончить с войной, которая народу приносит только горе:

Разом дело мы покончим,
Домой на родину пойдем.

Солдат уже предвидит свою судьбу: от войны пострадали его старший брат и отец, семья разорена:

Там отец голодный встретит, Искалеченный твой брат, Он клянет военную службу, Свету божьему не рад. Он сражался на востоке, Проливая кровь свою,	А там, на родине далекой, Голод выморил семью. Голод выморил несчастный От несносного битья, Голод выморил злосчастный От нагайки казака.

Богатые, рассуждает солдат, воюют за свое добро,

А мы, бедные крестьяне,
Здесь за что будем страдать?
За помещицкие земли
Грудь под пули подставлять?¹

Солдаты начинают возмущаться тем, что их гонят на верную гибель, призывают не подчиняться военной дисциплине, закону. Во время войны во многих деревнях бытовали частушки, подобные приведенной ниже:

Не пойду-ка я на фронт,
Не пойду в солдаты,
Отсижуся я в тайге,
Как други ребята².

По всей стране оплакиваются невинные жертвы. Растет число вдов и сирот. Родители оплакивают погибших сыновей. В ходе войны эти темы все больше начинают доминировать в песенном репертуаре. Появляются десятки новых текстов, воскрешаются старые песни с данными мотивами. Одной из наиболее характерных

¹ РО БФ, инв. № 2952 (2), лл. 10—10а.

² Из собрания частушек Г. С. Новикова-Даурского, хранящихся в Амурском государственном архиве.

песен того периода была песня под названием «На Дальнем Востоке»:

Близ моря, на Дальнем Востоке, В ущельях огромной горы, Все льются кровавы потоки С утра до вечерней зари. А дома сидят удрученно Отец и родимая мать, Читают про бой отдаленный, Им хочется сына обнять. Из Ляона их извещают, И брызнули слезы из глаз,	Что сын их погиб за свободу, О нем по полку был приказ. Убит молодой он и сильный, Убит, захоронен вдали, И даже никто не узнает Защитника русской земли. Жена очепень свой качает, К сынишке склонилась она, Все мужа в слезах вспоминает, Все плачет и плачет она ¹ .

Подобных песен, как мы уже сказали, бытовало много, их носители проклинали войну и тех, кто ее затеял. Эти песни были очень эмоциональны, они воздействовали на слушателей, воспитывали антивоенное настроение.

Явный антивоенный характер носила песня, возникшая в ходе боев у Порт-Артура, затем переработанная русскими солдатами, попавшими в плен к японцам, в бараках лагеря Хамадера и снова вернувшаяся в окопы на фронт. Эта песня называлась «Вспомним, братцы, про былое, как в Артуре на просторе». В ней подробно рассказывается о том, как русские солдаты, не жалея себя, день и ночь вели бои с японцами, часто дрались с врагом врукопашную, где основным оружием был приклад и штык. Многодневные ожесточенные сражения, поется дальше в песне, вызвали большие жертвы:

«Вопли, стоны, груди тел.
Кровь лилась тогда рекой».

Командование не считалось с потерями солдат. Но не это главное в песне. Лейтмотивом ее является преступное отношение руководства царской армии к своим солдатам. Вот как заставляли воевать русских солдат: «У нас продукты истощали и снарядов давно нет, яшаков мы всех поели и побитых лошадей». Солдат кормили супом из пшеничных отрубей: «А каша варена из пшеничного зерна, а подгорелы сухари всем приятны и милы». Немало бед принесла цинга, косившая полуголодных воинов, словно чума. В таких условиях, поется в песне, «Мы без боя все побиты. Бери в плен и всех гони». Последние строки песни являются суровым обвинением самодержавия солдатами, находящимися в плену, они звучат как прямой упрек царю за то, что он предал интересы народа:

Мы, артурские вояки,
Все в Японии в плену...
В Хамадере мы живем,
Замирения мы ждем².

Несмотря на то, что в песне отражается печальная судьба русских солдат, в целом ее мотив, настрой оптимистичны — солдат ве-

¹ «Фольклор казаков Сибири», стр. 43.

² Из дневника фельдфебеля Д. Овчинникова. Запись от 15 апреля 1905 года. ГАЧО, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 6.

рит, что его мукам придет конец. Это символически выражено в припеве, повторявшемся после каждых двух строк песни:

Волны плещут и шумят,
Сердца у русских веселят.

В Сибири с 1905 года существовал цикл песен, называвшийся «Казенка» или «Царева нога». В этот цикл входили песни о солдатах, возвращавшихся с фронта домой на «казенках» — костылях или с «царевой ногой» (деревянной), приобретенных на царской службе. Эти названия очень меткие, в них народ вложил всю свою ненависть к царской службе, к войне. Одна из таких песен появилась среди солдат во время русско-японской войны в середине 1905 года, затем она получила значительное распространение в городах, селах и деревнях Сибири. Приведем вариант, впервые записанный и опубликованный А. Вейнбергом:

От траншей Лаоляна далекого, От холмов Порт-Артура высокого, Через горы, леса, через степи Бесконечные тянутся цепи, По дороге родимой земли Стучат костыли. Все идут, все идут вереницами, С изможденными, серыми лицами Через степи, леса, через горы,	И горят воспаленные взоры В перевязках, в отрепьях, в пыли... Стучат костыли. Гости с пира домой возвращаются; Спотыкаясь, бредут, обнимаются. Эти гости бредут с пира пьяного, Где вина не хватило багряного; Льется буйная песня вдали, Отбивают напев костыли ¹ .

Данный вариант, несомненно, подвергся литературной обработке, но он в незначительной степени отличается от текстов, записанных у непосредственных носителей и исполнителей произведений фольклора. Указанная песня по существу является обличительным документом, отражающим поражение самодержавия в русско-японской войне. Таким образом, народ по-своему подходил к оценке событий, она не совпадала с официальным мнением царского правительства, но была близка к оценке, которую давала партия большевиков.

Характеризуя поражение России в русско-японской войне, В. И. Ленин писал: «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»². В период русско-японской войны обнаружилась вся гнилость самодержавного строя. Народ понял, что жить так дальше нельзя.

9 января 1905 года в России началась буржуазно-демократическая революция, а на Дальнем Востоке еще продолжали греметь пушки, шло ожесточенное сражение между войсками России и Японии. Настал новый исторический период, период первой русской революции, вызвавшей к жизни новые произведения устного народного поэтического творчества.

¹ «Забайкальские областные ведомости», 1905, 6 ноября, № 232, стр. 2.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 158.

Песнетворчество сибиряков периода первой русской революции

В предшествующих главах и разделах мы уже говорили, что многие старые народные песни и песни литературного происхождения в отдельные исторические промежутки времени подверглись переделкам и приспособлялись к отражению отдельных событий и фактов. В частности, многие произведения классиков русской литературы широко использовались в период первой русской революции. Ряд фольклорных произведений периода первой русской революции явно подражал песням А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова и многих других известных и малоизвестных русских поэтов XIX века. Так, в период русско-японской войны, а особенно в годы революции 1905—1907 годов по всей Сибири была известна сатирическая песенка, составленная в подражание стихотворению М. Ю. Лермонтова «Бородино», отражающая неудачи русской армии на фронтах русско-японской войны под командованием генерала Куропаткина:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром, Подобно ракам и омарам, В душе с отвагой, в сердце с жаром Мы пятились назад? Ведь после каждой сильной схватки Мы от японцев без оглядки, Хоть в полном боевом порядке, Бежим, бежим, как куропатки, Пускай нам целят в зад! Ну что ж, мой друг, чего же проще, Мы понадеялись на мощи И клали низкие поклоны, А вместо пуль да обороны	Везли с собой одни иконы! Подвел нас Серафим! Аминь, аминь, аминь! Скажи-ка, дядя, ведь недаром Дрались мы крепко с самураем, Хоть флот наш потопили весь, Смогли же ноженьки унести, Да только ведь куда? Скажи-ка, дядя, ведь в плену Терпели горе и нужду, Продал нас царь земли родной, Споем ему заупокой! Аминь, аминь, аминь! ¹

Много подражаний тогда вызвала «Колыбельная песня» М. Ю. Лермонтова. Все эти переделки и подражания были направлены против самодержавия, против расправы над мирным населением, ведущим борьбу с царизмом. Мы не будем подробно останавливаться на всех новых песнях-подражаниях, которые появились в первые же дни революции 1905 года, укажем лишь на то, что свежие в памяти мотивы песен, получивших популярность в период русско-японской войны, сразу же были переделаны и подхвачены борцами революции. В 1905 году стала широко известна песня на мотив «Дело было в Порт-Артуре», отражающая кровавые события 9 января. Эта песня под названием «Дело было в

¹ Записано от А. К. Костина в 1967 году. Сокращенный вариант песни имеется в книге «Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907)», библиотека поэта, большая серия. Изд. 2, Л., изд-во «Советский писатель», 1969, стр. 499. По свидетельству Г. С. Новикова-Даурского, эту песню совершенно открыто пели русские военнопленные в Японии. В материалах Г. С. Новикова-Даурского есть текст данной песни, в которой отсутствует третья строфа, но зато есть четверостишие с угрозой царю:

Скажи-ка, дядя, Николаше
И его супруге Саше,
Что не пройдет им плен наш зря,
Что погубим мы царя.

Песни первой мировой войны

Ни в один короткий исторический промежуток времени не возникает столько песен, сколько во время войны, которая затрагивает всех, все слои общества, все классы. Но для одних она — тяжелое бремя, для других — средство наживы.

Первая мировая война всколыхнула всю Российскую империю. Она тяжелым грузом легла на плечи трудового народа — на рабочих и крестьян. Буржуазия же была заинтересована в войне, так как стремилась к завоеванию новых рынков сбыта.

Известие о начале войны летом 1914 года молниеносно облетело всю страну. В первый же день войны о ней узнали в Сибири, на второй или на третий день — даже на золотых приисках, хотя далекая тайга не имела тогда ни телефона, ни телеграфа.

В первую же неделю войны народ выразил свое отношение к ней в большой серии частушек. В них поется о том, что война ненавистна народу.

Погуляемте, девицы,
Нам уж больше не до вас,
Нам приходит горький час,
На войну погонят нас.

Нас забреют, нас забреют
На проклятую войну,
Как я брошу, с кем оставлю
Я родимую семью.

Большую группу составляют частушки, в которых проклинается царь, начавший войну, и война называется «царевой». С этим словом связывается разлука, приносящая людям горе и печаль. В частушках это выражено совершенно ясно, без применения обычной для частушки символики:

Как бы были сизы крылышки,
Слетала б на войну.
Поругала бы головушку
Я нашему царю.

Началась распроклятая
Царевая война,
Меня угонят во солдаты,
Ты останешься одна.

Стихийный протест молодежи против начавшейся войны выражается посредством обращения к всевышнему с просьбой, чтобы он заступился за людей и помог им избежать солдатчины или спас их от гибели в бою. Обращение к всевышнему является лишь поэтической формой выражения протеста против войны. В некоторых частушках открыто заявляется, что простые люди не хотят воевать и страдать, поэтому в случае мобилизации могут и скрыться. Конкретно это выражено в следующих двух частушках:

Помолился, милка, богу
На высокой на горе,
Чтоб не взяли во солдаты,
Не убили б на войне.

Кому охота воевать,
Кому хочется страдать?
Во солдаты не пойдем,
А пойдем, так удерем.

В первые дни войны появились и такие частушки, в которых признавалась необходимость идти на войну, занять место в окопах, потому что враг пришел на родную землю, но в то же время выражалось желание знать, зачем царь затеял бессмысленную войну, ради чего должен умирать солдат. Люди, только узнав о начавшейся войне, уже выражали свое недовольство, по существу предъявляли царю законные претензии, хотя еще далекие от тех угроз, которые будут звучать в фольклорных произведениях в разгар войны. А пока народ громко распевал:

Нам недолго, добрым молодцам,
Со девками гулять,
Скоро, скоро нам придется
В окопчиках лежать.

Вы спросите-ка царя:
Ведь войну затеял зря,
За что будем воевать,
За что будем погибать?¹

Таких частушек было много, и они пользовались большим успехом. Рабочие и крестьяне открыто выражали свое недовольство войной. По опыту русско-японской войны, которая еще была жива в памяти, люди труда знали, что им придется пройти суровое испытание во время войны и вести жестокую борьбу против тех, кто в ней заинтересован.

Тематика частушек, как и песен, первых дней войны посвящена одному вопросу: «Почему простой русский человек, не заинтересованный в войне, должен проливать свою кровь?» В то время не каждый мог ответить на этот вопрос. Огромный чиновничий, административный, военный аппарат царизма и духовенство всячески обманывали народ, призывая его защищать царя, веру и отечество.

Большая часть неграмотного населения еще не могла разобраться в истинных причинах и целях войны, и если в некоторых частушках названы прямые ее виновники, то это сделано скорее

¹ Данные частушки были известны во многих губерниях, областях, уездах и волостях Сибири. Они встречаются в записях сибирских собирателей фольклора Н. Н. Томилина, Г. С. Новикова-Даурского, А. В. Гуревича, Г. Н. Парилова и у автора данной работы. В основном эти частушки записывались от участников первой мировой войны наряду с другими воспоминаниями о тыловой и фронтовой жизни сибиряков в 1914—1917 годах. Некоторые сибирские рекрутские частушки периода первой мировой войны опубликованы в сборнике «Фольклор Восточной Сибири», стр. 19—20.

всего по интуиции. Рабочие и крестьяне ненавидели войну, ибо знали, что погибнуть придется им, а не кому-нибудь другому, что в тылу будут голодать их семьи, а не семьи богачей, что разруха прежде всего коснется бедных крестьянских хозяйств.

Исторический опыт войн обобщался народом по-своему, на этот счет у него были свои взгляды, своя философия. Простые люди труда приходили к выводу, что захватнические войны нужны только богатым, потому что они пользуются ее плодами, а крестьянин и рабочий получают за это только две награды — крест на могилу и «цареву ногу» — костыль. Эта мысль пронизывает всю народную поэзию периода первой мировой войны, встречается она и в фольклорных произведениях, возникших во время предшествующих войн, которые пришлось перенести русскому народу.

Репертуар песен первой мировой войны гораздо шире репертуара песен, касающихся любого другого исторического события. Это легко понять. Начавшаяся война воскресила старые солдатские и военные песни. В одни из них вкладывалось новое содержание, другие бытовали без изменения. Последние вместе с новыми песнями составили очень обширный песенный репертуар, который полностью еще не обобщен и не исследован.

Песни сибиряков периода первой мировой войны отразили все стороны жизни народа. В них поется не только о тяжелой доле солдат, находящихся в окопах, на полях сражений, но и о горькой участи их семей, осиротевших детей, беспомощных стариков-родителей. В то же время они выражают не отчаяние и бессилие трудового народа, а его протест против империалистической войны, против существующего строя. Все народные песни, возникшие в ходе первой мировой войны, — это живой голос народа, выражение его чаяний и дум. Все это, разумеется, выражено по-новому, с различными поэтическими достоинствами и недостатками. Другими словами, песни первой мировой войны, разные по своей художественной ценности, несомненно, имели одно очень важное преимущество перед многими другими песнями — они были высоко эмоциональными, очень действенными. И это вполне естественно, потому что сама тематика в эмоциональном отношении была очень острой, важной и злободневной. Речь шла о жизни и смерти людей, о страданиях и переживаниях, вызванных войной. Сыновья расставались с родителями, мужья — с женами и детьми, братья — с сестрами, женихи — со своими невестами. Впереди была неизвестность.

Солдат, уходивший на фронт, не был уверен, что он вернется домой невредимым. Вот почему в рекрутских песнях так много грусти и печали. Проследим это на некоторых текстах рекрутских песен, которые пользовались наибольшей популярностью во время первой мировой войны. Прежде всего следует отметить песню «Последний нонешний денечек», бытовавшую со времени русско-японской войны, приведенную нами выше. Другая старая песня, повсеместно исполнявшаяся в Сибири с первых дней пер-

вой мировой войны, — «За лесом солнце воссияло». Поэтика и форма песни свидетельствуют о том, что она возникла задолго до начала XX века:

За лесом солнце воссияло,
Там черный ворон прокричал,
В ту же самую минуту
На фронт мой милый уезжал.
Слеза на грудь ко мне упала.
Последний раз сказал:
— Прощай! Прощайте, глазки
голубые,

И ты красавица моя,
Тебя я больше не увижу,
Пока не кончится война¹.

Но песен, в которых выражена надежда на возвращение домой, было немного. Больше всего бытовало песен, подобных песне «Закатилось солнце красное», в которой пелось:

Закатилось солнце красное
За зеленый лесок,
За вишневый садок.
— Ах, что случилось?
— Разлучают нас с тобой
Чужедальной стороной,
Чужедальной стороной,
Распроклятою войной².

Много слез и раздумий вызывала рекрутская песня «Светит месяц и заря», записанная в десятках вариантов от свидетелей и участников первой мировой войны. Они говорят, что данная песня была неизменной спутницей всех обрядов провожания рекрутов на фронт. Приведем ее последние строки:

Сижу, играю на гитаре,
Сижу, играю, веселюсь,
Никто судьбы моей не знает,
Что я с родными расстанусь.
Да, может, навеки расстанусь
С друзьями, братом и сестрой,
С отцом и матерью родной
И с любимой своей.
Никто нас с милой не разлучит,
Стен и мамочка родна.
Только с милою разлучит
Распроклятая война³.

Перед отправкой на фронт рекрут уговаривает родителей не переживать за него, ибо таких, как он, много и со всеми обращаются одинаково:

¹ «Русский фольклор Тункинской долины», стр. 161—162.

² Там же, стр. 162.

³ Записано от Евдокии Прохоровны Рыбаковой, 65 лет, на станции Посольская Восточно-Сибирской железной дороги в 1952 году. Дословный текст этой песни записан в 1952 году там же от Михаила Кузьмича Дружинина, 67 лет, награжденного орденом Ленина, пенсионера. Вариант песни имеется в сборнике «Русский фольклор Тункинской долины», стр. 162.

— Вы не плачьте, мать, отец,
Нас погонят, как овец,
Мать, отец заплакали,
Слезинки закапали.

Эти строки взяты из песни «До свиданья, мать, отец», многократно записанной во многих районах Сибири¹.

С большим эмоциональным накалом и выразительностью исполнялась рекрутская песня «Прощай, страна моя родная». В большинстве случаев она исполнялась на вокзалах, откуда отправлялись эшелоны с рекрутами на войну. Первые строки песни передают все ее содержание:

Прощай, страна моя родная,
Прощайте, милые друзья,
Благослови меня, родная,
Быть может, еду на смерть я.
Быть может, меткою винтовкой
Сразят меня из-за куста...²

Рекрутские песни можно разделить на крестьянские и рабочие. К первым относятся песни, бытовавшие в селах и деревнях, ко вторым — песни, исполнявшиеся городскими рекрутами. Между ними нет четкой грани, но все же они отличаются друг от друга. Для примера возьмем песню городских рекрутов. В ней поется:

Вы прощайте, горы, сопки,
Городские барышни,
Нам теперь не до вас —
Во солдаты гонят нас³.

В крестьянских рекрутских песнях больше всего поется о расставании с родным домом, с полями, со всем тем, что дорого деревенскому парню или мужику. Песни городских рекрутов в основном отражают страдания, связанные с разлукой.

Основная масса рекрутских песен относится к крестьянской лирике. По своему напеву они подразделяются на протяжные-проголосные, шуточные и плясовые. Многие носители называют эти песни слезными. Среди них встречаются как протяжные, так и речитативные. Последние больше всего напоминают плачи. К протяжным прежде всего относятся такие песни, как «Через девушку

¹ Записано от Василия Родионовича Гурьянова, 1874 года рождения, большого знатока сибирских песен и преданий, в селе Уро Баргузинского аймака Бурятской АССР в 1934 году.

² Записано от Б. Д. Куржанова, участника первой мировой войны, в селе Качуге Иркутской области в 1936 году. Вариант песни опубликован в сборнике «Русский фольклор Прибайкалья», стр. 172.

³ Записано от участника первой мировой войны Гавриила Ананьевича Ященкова, 1888 года рождения, неграмотного, на станции Харанар Забайкальской железной дороги в 1940 году. Вариант песни опубликован в сборнике «Фольклор семейских», стр. 152.

в солдатики попал»¹, «Последний день нам, братцы, минованье»², «Не во поле былиночка стояла»³, «Ты, рябинушка моя»⁴, пользовавшиеся очень большой популярностью во время первой мировой войны. Все эти песни записаны в последние десятилетия (1940—1971 годы), что свидетельствует об их живучести.

Если в наши дни записываются десятки вариантов песен, которые распевались около шестидесяти лет тому назад, то можем себе представить, как они были популярны, когда были связаны не с историей, а с живой действительностью.

К «слезным» протяжным песням, в частности, относится песня «Последний нонешний денечек». «Особенно слезы вызывают те строки»⁵, в которых поется о том, что рекрут больше не надеется вернуться домой, что ему уготована могила на чужбине. Во многих вариантах этой песни встречаются и такие драматические моменты:

Колески к дому подкатили,
Колески о землю стучат,
А старший взводный заявляет:
«Готовьте сына своего».
Крестьянский сын давно готовый,
Семья вся замертво лежит⁶.

Рекрута доставляют на сборный пункт. Здесь снимают с него «кудреды». В песнях этому моменту уделяется большое внимание, ибо смысл его заключается в том, что молодые люди с потерей своих кудрей теряют свободу, становятся безликими солдатами, жизнь которых зависит от воли господ офицеров. А от своих родителей рекруты знали, что это значит. Такие песни в основном исполнялись речитативом, больше всего похожим на мелодекламацию. В Сибири их было много, но одной из самых распространенных является песня, известная под названием «Тятя пару запрягает», или «Тятя, тятенька мой», в которой есть строки о том, что мать не разрешает сыну жениться, потому что он должен сначала отслужить службу. Отец сам отвозит сына «ко приемной» и передает его в руки военных, а там:

Во станок поставили,
Ваню бреть заставили.
Ваню бреют — не жалеют
И стригут — не берегут.

¹ РО БФ, инв. № 3210, п. 4, л. 373.

² Там же, п. 1, л. 74.

³ Записала Н. В. Соболева от Александра Ивановича Гаськова, 1902 года рождения, малограмотного, в селе Уро Баргузинского аймака Бурятской АССР в 1971 году. РО БФ, инв. № 3272, п. 3, л. 123.

⁴ Записал В. И. Зоркин от Евлампии Михайловны Таракановской, 1892 года рождения, в селе Тамир Кяхтинского аймака Бурятской АССР в 1971 году. РО БФ, инв. № 3270, п. 1, л. 9.

⁵ Эти слова принадлежат В. Г. Кореву.

⁶ Записал И. З. Ярневский от Зинаиды Петровны Артюшевой, 1910 года рождения, малограмотной, на станции Амазар Забайкальской железной дороги. РО БФ, инв. № 3252, п. 2, л. 55.

Оглянулся Ванюшка назад:
Русы волосы лежат...
Уж ты, мать моя родима,
Пособи кудри собрать¹.

Несмотря на то, что мобилизация в царскую армию с самого начала первой мировой войны достигла огромных размеров и коснулась всех сел и деревень, городов и поселков России, нельзя себе представить, что люди занимались только оплакиванием уходящих или уже ушедших на войну. Нередко проводы в солдаты сопровождались вечерками, на которых молодежь пела и плясала, надеясь на благополучное возвращение своих односельчан домой. Им желали добра, всячески старались их утешить. Неизменным спутником вечеров, проводин были песни, гармоника или бала-лайка. Много исполнялось шуточных и плясовых песен. Лихо выписывая ногами замысловатые танцевальные фигуры, рекруты, их дружки, сверстники и девушки пели:

Не из чести, не из платы
Не идет мужик в солдаты.
Пальцы рубит, зубы рвет,
В службу царску не идет.
Всей деревнею режут:
Ваньку в рекруты везут.
— Брось, Ванюшечка, тужить,
Не один будешь служить².

Эта песня, известная в народе под названием «Деревенски мужики», исполнялась очень часто и бытовала во множестве вариантов. В некоторых из них насчитывалось по сто и более строк с различными припевами.

Выше речь шла только о рекрутских песнях, которые касаются общих тем, связанных с мобилизацией на войну, сам процесс рекрутчины в них не раскрывается. Песен же на эту тему бытовало немало. Они подробно отражали лихорадочную поспешность мобилизации в армию и безобразное отношение к новобранцам со стороны царской военной администрации. По существу эти песни можно назвать поэтическими сказами. Они подробно повествуют о тяжелых испытаниях новобранцев, попавших под власть офицеров: мордобое, голоде, холоде и унижительном положении. С точностью летописца песни зафиксировали такие подробности, которые можно было включить в обвинительное заключение, если бы судили виновных.

Песни-рассказы о судьбе новобранца большие — в некоторых

¹ Записал Николай Федорович Черноков от Ильи Семеновича Сумина в деревне Старичье Крутинского района Омской области в 1957 году. Оригинал записи хранится в материалах И. С. Коровкина, копия — в РО БФ, инв. № 3291, л. 103.

² Один из полных вариантов этой песни записан от участника первой мировой войны Николая Прокопьевича Глушченкова, 1882 года рождения, малограмотного, на станции Мысовая Восточно-Сибирской железной дороги в 1952 году. Схожий вариант записан Л. П. Кузьминой в городе Кяхте в 1971 году. РО БФ, инв. № 3271, п. 2, лл. 12—14.

из них более двухсот стихотворных строк, они разнообразны по тематике и имеют многочисленные варианты. Как правило, в них повествуется о жизни рекрута с первых дней мобилизации в армию для участия в боях на фронте. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке широкое распространение имели песни на эту тему: «Нас погнали на войну», «Был я юноша бедовый», «Порядки наши гадки» и другие.

Песня «Нас погнали на войну» состоит как бы из нескольких частей. Сначала повествуется о том, как проходила мобилизация на царскую службу во время первой мировой войны, затем о первых впечатлениях новобранца, попавшего на фронт, о его взаимоотношениях с господами офицерами. Начало этой песни показывает печальную судьбу человека, оказавшегося в бесправном положении солдата:

Нас в казармы всех собрали,
По кусочку хлеба дали,
Мы на нарах разлеглись,
Трое суток протолклись.
Нас тут долго не учили,
По «чугункам» усадили
И погнали на войну,
В чужу дальнюю страну¹.

В казарме новобранцу сразу приходится сравнивать жизнь дома с той обстановкой, в которую он попал не по своей воле. Например, песня «Был я юноша бедовый» убедительно раскрывает контраст между домашней жизнью и участью солдата, которому приходится испытывать большие трудности, порой унижения и оскорбления. Но главный мотив подобных песен — солдат не знает, во имя чего ему приходится все это переносить. В этом заключается весь смысл песен, связанных с рекрутчиной и солдатчиной.

В первые дни войны новобранец выражал свой стихийный протест против боевых сражений чаще всего в форме осуждения самой войны, не видя еще перед собой конкретных виновников. Об этом особенно ясно говорится в песнях, которые последовательно отражают все события первой мировой войны. Так, в песне «Нету хуже взводного» дается оценка событиям первых дней войны, а затем уже рассказывается о службе солдата, о бесчеловечном отношении к нему офицера. Приведем начало песни:

Дома жили — не тужили, Хлеб с картошкой все же были, Хоть не круглый год в достатке, Выручали нас задатки. Получали по контрактам, А потом далеким трактом Уходили мы в тайгу Золотишко добывать,	Чтоб задатки возвертать. Слух пронесся про войну; Кто затеял, не пойму, То ли наш Николка-царь, То ль немецкий государь ² . Толком трудно распознать, Только нас хотят забрать, Шинели серые одеть

¹ Л. Е. Элиасов. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969, стр. 84.

² В других записях эта строка дается в редакции: «То ли ихний государь».

И послать на верну смерть.
Вот прошел денечек, два.
Подь, сказали мне, сюда,
Собирайся с меньшим братом
В царску армию солдатом.

Так на войну меня забрили
И в вагоны посадили,
Утартали далеко,
Уж не видно ничего¹.

Дальше в песне характеризуется взводный, издевавшийся над своими солдатами.

История подобных песен сложная. Можно полагать, что некоторые из них возникли в селах и деревнях, в городах и рабочих поселках в первые же дни войны, поэтому в них рассказывалось только о том, что началась война, идет мобилизация, народ охвачен горем. По мере развертывания событий содержание песен дополнялось, изменялось, они обрастали новыми строками и строфами. Эти дополнения и изменения могли происходить как в тылу, так и на фронте. Сами участники первой мировой войны свидетельствуют, что многие фронтовые песни они сообщали домой, а некоторые песни попадали на фронт из тыла. Таким образом репертуар носителей фольклора обогащался новыми песнями.

Один из крупных собирателей песен первой мировой и гражданской войн, а затем Великой Отечественной войны Куприян Леонтьевич Покацкий неоднократно говорил, что репертуар песенников складывается за счет различных источников. Наш земляк забайкалец К. Л. Покацкий, прошедший три войны и собравший большое количество песен, бытовавших в эти отдельные исторические промежутки времени, убедительно раскрывает значение песни в суровые годы войн. Он говорит, в частности, что они помогали понять характер войны. В забайкальском селе Тарбагатае мы с помощью К. Л. Покацкого² обнаружили знатоков большого количества песен первой мировой войны. В селе Красный Яр Амурской области мы познакомились с крупнейшим песенником В. Г. Каревым. Несмотря на преклонный возраст, он спел несколько десятков песен этого же периода³.

Среди песен, записанных в селах Тарбагатае и Красном Яре, много рекрутских. Носители их объясняют это тем, что массовая мобилизация в солдаты в первые дни войны оставляла наибольшее впечатление и запоминалась на всю жизнь. В этот же период возникали и пользовались наибольшей популярностью рекрутские песни.

В процессе войны к репертуару рекрутских песен добавлялось значительное количество песен, отражающих фронтовую жизнь и социальное положение солдат. Репертуар данных песен в настоящее время настолько обширен, а тематика их настолько богата и разнообразна, что трудно себе представить ценность всех быто-

¹ Записали Л. Е. Элиасов и Л. П. Кузьмина от Василия Гавриловича Карева, 1876 года рождения, самоучки, в селе Красный Яр Михайловского района Амурской области в 1968 году. РО БФ, инв. 3180, п. 4, л. 18.

² Подробнее о К. Л. Покацком см.: Л. Е. Элиасов. Народная поэзия семейских, стр. 83—86.

³ Частично записи, произведенные Л. Е. Элиасовым и Л. П. Кузьминой от В. Г. Карева, хранятся в РО БФ, инв. № 3180, п. 4, лл. 1—22.

вавших в свое время народных произведений, поскольку во время войны они не собирались ни на фронте, ни в тылу. Фольклор периода первой мировой войны начали собирать много лет спустя после ее окончания, уже при Советской власти, поэтому много произведений фольклора этого периода исчезло для науки и истории бесследно вместе со своими носителями.

Имеющиеся в нашем распоряжении записи позволяют судить о характере фольклорных произведений, которые возникали и бытовали на фронте, а затем становились популярными и в тылу. Фольклорные произведения в основном были представлены песнями, рассказывающими о впечатлениях, которые произвел на солдат первый бой.

Мы уже упоминали песню «Был я юноша бедовый», записанную в Забайкалье в 1946 году, в которой рассказывается о том, что пришлось пережить молодому человеку из деревни, попавшему на фронт. Подобный вариант песни под названием «Был я юноша фатовый» записан в Амурской области в 1968 году. Следует заметить, что эта песня полностью не публиковалась. Приведем последние ее строки:

Был я юноша не слезный,
А теперя стал серьезный,
Шуток больше не шучу,
Я в окопчике сижу
И зубами тут стучу.
Застучит тут всяк зубами,
Как засылет враг бомбами,
И гремит-то и дымит,
А по людям страх бежит:
По окопам часто бьют,
Наше тело все клюют,

То осколки от снаряда,
То две пули сядут рядом,
То пехота со штыками,
То тут наши с шомполами,
Врежут так, что задрожись,
Хоть в могилу побежишь.
Скоро ль кончится война,
Скоро ль кончится тоска?
Ничего здесь не поймешь,
Не убьют, так сам умрешь¹.

Страдания солдата на фронте были самыми разнообразными, как сама жизнь во время боевых действий, во время ожесточенных схваток с противником. В песне «Нету хуже той напасти», имевшей весьма распространенные варианты, вначале говорится об опасностях пребывания в окопах — в любую минуту человек может погибнуть или остаться калекой. Песня «Нету хуже той напасти», не блещущая своими художественными достоинствами, была эмоционально действенной, влияла на настроение солдатской массы, на сознание трудового народа. Приведем один из наиболее известных на Дальнем Востоке вариантов:

Нету хуже той напасти,
Как служить в пехотной части,
Пеший день-деньской идешь,
Только ляжешь, гложет вошь.
Только вшу начнешь гонять,
По окопу бомбов лять,
Все печенки перевернутся.
Тут команды раздаются:
— Эй, ребята, не сиди,

На штыки время идти.
А в атаке со штыками
Не то, что дома со блинами,
Прозеваешь — проморгаешь,
И получишь в спину нож.
Из атаки я вернулся,
Только к утречку проснулся —
Без руки и без ноги.
Куда же мне теперь идти?

¹ Записано от В. Г. Карева. РО БФ, инв. № 3180, л. 16.

Вторая половина песни «Хуже нету той напасти», повествующая о дальнейшей судьбе калеки, не может не волновать слушателей. В песне также говорится о мучителях-офицерах, относящихся к солдату, как к скотине. Носители таких песен обычно комментируют содержание отдельных строк, «что в них вся правда-матка».

Песня заканчивается словами, в которых выражено горе калеки, вернувшегося домой:

Горе-горькое солдата: Мучат, бьют родного брата, Немец нас тут доканает, Взводный свой солдат замает, Но все переживем И до дома доползем. Дома мать, отец, жена, Раскрасавица моя,	Встретит мужа дорогого, Хоть без ног, а все ж родного. Амур-батюшка и Зея, Жди солдата Елисея; Храбро бился он в бою За мать-родину свою. Ты прости, что я без ног, Сохранить я их не мог ¹ .

В песне «Ты тоска, моя тоска», возникшей в первые дни войны и бытовавшей активно до Октябрьской социалистической революции, отражен процесс формирования сознания солдат, их отношение к разным социальным слоям общества. Это тоже очень длинная песня — до 80 стихотворных строк. В ней используется поэтическая форма раешника, для ее исполнения не требуется больших певческих возможностей песенников.

Война становится ненавистной солдату сразу же, как только он попадает на поле боя. В начале песни выражена мечта солдата о скором окончании войны, ибо в противном случае «здесь можно погибнуть ни за что, ни про что». Дальше перечисляются все невзгоды солдата-фронтовика:

От разрывов гложет ухо,
Не хватает больше духа,
Не хватает больше сил,
Все, что было, износил.
Поустала уж рука
От железного штыка,
Вся спина в крови от ранца,
Сам похож на оборванца.

Солдаты интересуются, как живут их господа офицеры или, как их называли, «фронтная знать». Между строк можно читать: солдаты сомневаются в том, что офицеры переживают те же трудности, что и они. В песне об этом поется так:

Интересно бы узнать,
Как живет на фронте знать?
Чем питаются бароны,
Что крикливы, как вороны?
Как воюют тут князья?
Их прислужники-друзья
Не воруют ли с котла,
Что дано лишь для меня?

¹ Записано от В. Г. Карева. РО БФ, инв. № 3180, п. 4, л. 17.

В конце концов солдат приходит к заключению, что во время войны наживаются только богатые, а бедные люди лишь терпят бедствия. Эта мысль выражена в двух заключительных строках песни:

Все бывает на войне,
Не нужна проклята мне,
Пускай воюет, кто богат,
Проживу и в мире так.
Ты тоска, моя тоска,
Широка и глубока,
Иссушила молодца,
Добра молодца меня¹.

Выше мы уже говорили о песне «Нету хуже взводного», рассказывающей о том, как новобранец попал на фронт и там встретился с командиром-сатрапом, от которого он не взвидел белого света. В этой песне примечателен конец. Солдат приходит к выводу, что страшна не только война, но и взводный, что надо бежать как от нее, так и от него. Последние строки песни, как свидетельствовал исполнитель, всегда вызвали положительную реакцию у слушателей. А носителей и слушателей данной песни было много, так как она правдиво отражала жизнь солдат из народа.

Не обобрался я беды,
Как попал я вот сюды.
Тут окопы, там вода,
Вот где матушка-беда.
Но это только полбеды,
Важно выход тут найти,
Не пришлось я по нраву,
Никогда не буду правый.

Нету хуже взводного,
Для кого невгодного,
Все ругается да бьет,
Меня со свету он сживет.
По окопу немец шкварит,
По сусалам взводный жарит,
Не житье, а чисто ад,
Я домой удрать бы рад².

Нашлись добрые люди, поется в песне, которые помогли солдату добраться домой. Позже к этой песне был присочинен конец: солдат, прибежавший домой с фронта, сразу же вступил в красный отряд и принял активное участие в изгнании японских интервентов с Дальнего Востока³.

Много песен периода первой мировой войны отражает палочную дисциплину в царской армии. Чтобы рельефнее показать, на чем она держится, в песнях даже приукрашиваются порядки в армии противника. Так, в песне «Порядки наши гадки» об этом поется:

Для них музыка играет,
А нас матерно ругают.
Немцу взводный ручку жмет,
А нам взводный морду бьет.
Вот таки у нас порядки:
Для офицеров они сладки,
А для нас — противны, гадки.
Нам порядки бы други.

То дела б наши пошли,
Наш солдат умеет бить,
Немцу морду колотить.
Вот порядки бы други,
Чтоб не ходили кулаки
По солдатским бы сусалам,
А кормили б лучше салом⁴.

¹ Записано от В. Г. Карева. РО БФ, инв. № 3180, п. 4, л. 5.

² Там же, л. 18.

³ Там же, л. 19.

⁴ Там же, л. 20.

Это были первые песни, возникшие непосредственно на фронтах первой мировой войны, в которых солдат, хотя еще и робко, но заявлял о необходимости изменения существующего порядка. Здесь, несомненно, не имеются в виду изменения общественного строя, об этом в песнях в начале войны еще не пелось. Солдат лишь мог мечтать о человеческом отношении к нему, ибо бесправное положение угнетало его сильнее, чем война. Наиболее ясно эти мотивы отражены в песне «Нас погнали на войну», один из вариантов которой приведен нами выше. В этой песне имеются строки:

Здесь австриец кашу варит,
По окопам бомбой шпарит,
Здесь свету не видать,
Вот какая благодать.
Не с моей дурной башкой,
Тут, брат, с умной головой
Покумекать есть над чем,
Что к чему и почему
Проиграем мы войну.

На фронте среди солдат начинается брожение. Они понимают, что война проигрывается, противник одерживает победы, бесчисленные жертвы растут. Дальше молчать нельзя, поется в песне, народ сам должен решать свою судьбу:

Коль не хочешь жизнь отдать,
То не надо нам молчать,
Песни петь, душа моя,
За песенки бранят меня¹.

Так в полусерьезном, в полушутливом тоне в песне проскальзывают новые социальные мотивы. Только постепенно, когда солдаты окончательно убедились, что война проиграна, они стали петь новые песни, в которых говорилось о том, что царь обманул всю страну, что Россия оказалась совершенно неподготовленной к такой грандиозной схватке. Одной из таких песен является песня «В голове моей мозг иссыхает», бытующая до сих пор во многих селах Забайкалья и в других областях Сибири. Приведем запись этой песни, сделанную в 1971 году:

В голове моей мозг иссыхает,
Сердце кровью мое облилось.
За измену Миколки Второго
Пострадать всей России пришлось.
От твердил, что к войне все готово,
Мы Германию в прах разобьем,
А через месяц вернемся обратно,
А Берлин мы без боя возьмем.
Ты зачем улещаешь напрасно,
Ты уж продал Россию и нас².

¹ Записано от В. Г. Карева. РО БФ, инв. № 3180, п. 4, л. 22.

² Записала Н. В. Соболева от Матрены Ивановны Белокопытовой, 1908 года рождения, неграмотной, в селе Читкане Баргузинского аймака Бурятской АССР в 1971 году. РО БФ, инв. № 3272, п. 3, л. 72.

О продажности русского правительства, о безудержном пьянстве офицеров и в то же время о храбрости русских солдат поется во многих песнях. Наиболее характерной из них является песня «Как Варшаву мы сдавали», хорошо известная даже в самых отдаленных уголках Сибири. Бытование ее в десятках вариантов говорит не только о ее популярности, но и о том, что она постоянно подвергалась дополнениям и изменениям. Этому немало способствовал ее простой напев. Последняя запись песни сделана в 1966 году Е. Н. Сыстеровой в городе Имане. В ней поется:

Как Варшаву мы сдавали,
Битва жаркая была,
Пули в воздухе свистали,
От гранат земля тряслась.
А как русские солдаты,
Они дрались, точно львы,
А мерзавцы-офицеры
Разбежались кто куды.
А как русски генералы

Составляли все планы,
У Варшавы за буфетом
Занимали все столы.
.....
Это, братцы, не на шутку,
Это правда все была,
Как в четырнадцатом годе
Варшава немцам продана¹.

Процесс возникновения и бытования песен в период первой мировой войны был непрерывным. Одновременно возникали песни на разнообразные темы, что было обусловлено сложностью обстановки во время войны.

Но песни, возникшие на фронте, составляют самый большой цикл песен первой мировой войны и отражают очень большую и весьма сложную тематику. В период войны большой известностью пользовалась песня «Окопное бытие». В ней описываются бытовые условия солдата, говорится, что он всегда почти голодный, рад глотку кипятка, что кормят его один раз в сутки и то только вечером, а тут еще:

Фельдфебель наш сердитый
Во все горло орет,
А ротный возле кухни

¹ Записала Е. Н. Сыстеровая в 1966 году в городе Имане Приморского края со слов А. И. Волжской. Запись хранится в архиве Хабаровского Дома народного творчества, копия — в РО БФ, инв. № 3210, п. 1, л. 160. Данная песня многовариантна. Некоторые из вариантов известны под названиями «Как мы дрались подо Львовом», «Как мы Перемышль сдавали». Все варианты имеют разные концовки. Так, например, вариант «Как мы Перемышль сдавали» заканчивается строками, осуждающими пьянство офицеров и войну:

Пили ханжину, магару,
Не хватало им вина,
Спирт возили поездами,
Выпивали все до дна,
А измученным солдатам
Пусты бочки напоказ.
Вот кому из нас придется
Вернуться домой,
Каждый воин пусть расскажет
Про германско-русский бой.

По морде солдат бьет.
Повернемся от кухни,
Поджавши животы,
Голодный и холодный
В секрет опять иди¹.

Солдат на каждом шагу подкарауливали пули или осколки снарядов. В таких условиях среди них рождались песни, изливавшие все ужасы войны. Например:

Снаряд тут разорвался,
Я вспомнил про жену:
— Прощайте, жена и дети,
Я больше не приду².

Где бы ни был солдат: в атаке, в разведке, в дозоре на переднем крае — он всегда думал о своих близких, о родных местах. Даже в последние минуты жизни он переживал за судьбу своей семьи, за любимого человека, с которым расставался навсегда. Эти мотивы пронизывали десятки песен, и все они, как правило, возникали на фоне описания кровавых событий войны. Примером может служить песня, известная в Сибири под названием «Мы идем в атаку», записанная неоднократно в разных районах Забайкалья, Прибайкалья и Дальнего Востока. Песня небольшая, но очень динамичная и имеет несколько напевов:

Когда мы идем в атаку
С большими криками «ура»,
Страшно видеть те мученья
И все убитые тела.
Вот лежат они и стонут,
Просят помощи у нас:
— Приколи штыком, товарищ,
И навек спаси меня.

Вот и кончил жить бедняга,
Не успел слова сказать,
Молодой своей красотке
Весть печальную послать.
А мы только с ним делились
Про житье и про бытие.
Тосковал он о невесте,
Что осталась далеко³.

В окопных песнях много говорится о пролитой крови, о тоске и печали солдат. Но это лишь внешняя сторона отражения бессмысленности войны. Критика войны, непримиримость с социальным неравенством, которое проявлялось в отношениях между солдатами и офицерами, принимала разные формы. Основу ее составляло объективное изображение того, что видел солдат на полях сражения. В песне «На линии австрийской границы» говорится о жестоких схватках между противниками:

На линии австрийской границы,
В щели Карпатской горы,
Там льются кровавы потоки
С утра до вечерней зари⁴.

¹ «Русский фольклор Прибайкалья», стр. 178.

² Из песни «Бедные солдаты». «Русский фольклор Прибайкалья», стр. 179.

³ Записано от инвалида первой мировой войны Митрофана Кузьмича Гордеева в селе Тарбагатае Бурятской АССР в 1952 году. Вариант песни опубликован в книге «Русский фольклор Прибайкалья», стр. 181.

⁴ «Фольклор семейских», стр. 160.

А дальше сообщается родителям:

Сын ваш убит на разведке,
И кости в долину вросли,
Никто не отыщет могилы
Защитника русской земли¹.

Солдаты жалеют, иногда и возмущаются, что молодость их проходит бесцельно, что по чьей-то воле они вынуждены воевать, жертвовать своей жизнью, терпеть голод и холод. Из песен на эту тему наибольшую известность получила песня «Проходит время дорогое»; она бытовала в нескольких вариантах. В песне рассказывается о том, что на поле сражения постоянно рвутся снаряды, осколки которых угрожают жизни солдат, о настроении солдат, о их пище:

В окопах грустно и уныло,
Несут убитых и калек,
А сердце каждого заныло:
За что страдает человек?
Кругом темно, затихли пушки,
Солдаты тянутся гурьбой,

Вдали у разбитой дереvушки
Берут обед несытный свой.
Дают им хлеба по полфунта,
Лапши прежидкой котелок,
Мяса тоже восьмая фунта —
И весь их суточный паек.

Даже этот скудный паек солдат не успевает съесть — раздаётся команда идти в атаку. Теперь у солдат возникают другие мысли:

Быть может, легко меня ранят,
Калекой сделает шрапнель,
И в лазарет меня отправят,
Пролечут несколько недель.
Одна отрада у солдата,
Когда венец на месте том,
Тогда товарищи лопатой
Заруют труп его кругом².

Во время первой мировой войны появилось много песен в форме фронтовых писем, в которых солдат сообщал о своей судьбе. В Сибири наиболее распространенными из них были две песни, имеющие множество вариантов, по сути дела не различающихся между собой. Песни небольшие, поэтому мы приводим их полностью:

Здорово, брат! Уведомляю,
Что кончился кровавый бой,
Тебя с победой поздравляю,
Себя — с оторванной рукой.
Нас много, много пострадало
Среди жестокого огня,
Врагов мы много перебили,
В груди две пули у меня
На этом я письмо кончаю.
Прощайте, милые друзья³.

Зачем меня пуля так рано сразила,
Свалила на землю, как сноп?
Зачем санитары меня подобрали,
В носилках спесли в лазарет?
Лежу в лазарете, так тяжело
вдыхаю:
— Поддай-ка, сестрица, воды.
Поддай-ка чернила, подай лист
бумаги,
Родным я письмо напишу.
Папаша не слышит, мамаша не
знает —
У сына нет правой руки⁴.

¹ «Фольклор семейских», стр. 161.

² Там же, стр. 162—163.

³ Записано от участника первой мировой войны Алексея Николаевича Федотова, 1879 года рождения, малограмотного, в селе Доно Калгинского района Читинской области в 1940 году.

⁴ «Фольклор Тункинской долины», стр. 166.

Не менее популярной была песня «Письмо с фронта», представляющая собой соединение нескольких небольших самостоятельных песенок о жизни солдат на фронте. В этой песне подробно повествуется о всех невзгодах фронтовиков, о их тяжелой доле. Солдат жалуется на то, что здесь нет пощады ни от противника, который сутками бьет из пушек и пулеметов по окопам русских, ни от паразитов, заедающих до полусмерти не мытых в бане солдат, ни от голода, ни от холода. В песне фронтовая жизнь солдат дается в сравнении с жизнью в тылу, где возможны минуты радости и счастья. Все варианты песни имеют почти одинаковое начало:

Хорошо вам жить на воле,
Сыпать ласковы слова,
Посидел бы ты в окопах,
Испытал бы то, что я.
Мы сидим в открытых ямах,
На нас дождик моросит,
Как засыпят с пулемета,
То, поверьте, нельзя жить...

Дальше в разных вариантах рассказывается о конкретных боях — в Карпатах или на Висле, о том, что солдаты ждут окончания войны, мечтают вернуться домой и там уже подробно поведать о войне, а пока они завидуют тем, кто в тылу может встретить праздники, вымыться и переодеться. В песне так и поется:

Вы обмыты и обшиты,
Весело у вас кругом.
Нас кусают паразиты,
Но мы здорово их бьем¹.

Значительную популярность в годы первой мировой войны получила песня «Вечер вечерет, у солдата сердце мрет», составленная в форме письма с фронта. В ней солдат вспоминает родимый край, мать и отца. Но вот на фронт приходит письмо с сообщением, что отец тоже взят в армию и уже убит, братья его воюют неизвестно где, а мать сильно бедствует. Сын отвечает ей:

Не плачь, не плачь, мамаша, Я раненый лежу, Рана небольшая — По локоть нет руки, Вторая рана легкая — Остался без ноги. Я встретил родных братьев	В карпатском жар-бою. Кто же теперь накормит Старушку-мать мою? Не плачь, не плачь, мамаша, К тебе я все ж приду, Хоть буду я калека, Тебя я прокормлю ² .

В разгар русско-германской войны появилась очень популярная песня, в которой дано обозрение театра военных действий и показано отношение народа к развернувшимся событиям. Существовала эта песня в различных формах и вариантах. В одном слу-

чае она бытовала как письмо с фронта, в другом — как песня, отражающая ход сражений, в третьем — как рассказ солдата — очевидца и участника боев. В Сибири песня называлась по-разному: в Иркутской губернии — «Вижу я, на переходе», в Забайкалье — «У неприступных гор Карпат», на Дальнем Востоке — «Русских соколов отряды». В ней встречаются строки из песни «Как Варшаву мы сдавали», несколько строк из песни «Письмо с фронта». Заимствованные из других песен строки в редких случаях передаются дословно, в основном они как бы вмонтированы в произведение. В начале песни воздается должное храбрости русских солдат, которые готовы в любую минуту идти в штыковую атаку на противника. Затем говорится:

Бой кипел по много суток, А солдат не унывал, Он к победе все стремился И об мире толковал. Я найду на ту поляну, Где кровавый бой кипел, Я увижу там картину: Лужи крови, груды тел.	Там лежит солдатик ранен, Тихо просит он воды, Истекает кровью бедный, Просит: «Братец, помоги!» Что же будем делать, братья? Плачут матери, отцы. Плачут жены, плачут дети — Не идут домой бойцы ¹ .

Дальше идут переделанные строфы из «Письма с фронта»: «Хорошо вам, буржуазы, / Слушать ласковы слова...», описывается, как развертываются бои и как за счет войны наживается буржуазия. Интересно отметить, что строка «Хорошо тебе [вам] на воле» послужила началом для многих других песен периода первой мировой войны. В частности, с этой строки начинается одноименная песня в виде письма солдат-фронтовиков к буржую, посещающему фронт, чтобы агитировать их за войну до победного конца:

Хорошо тебе на воле Сыпать бисером слова, Посидел бы ты в окопах, Испытал бы то, что я. Посидел бы ты в окопах, Покормил голодных вшей, Похлебал бы ты холодных И пустых вонючих щей.	Ты б не перся жирным брюхом, К нам в окопы не ходил. Только ты войны не нюхал: Ты в тылу, собака, был! Уходи с окопов наших, Не смотрели бы глаза На толстопузого буржуя, Нам нужна своя метла ² .

В 1916—1917 годах появилось множество песен, направленных против сторонников войны, против буржуазии и всего самодержавного строя. В одних песнях об этом говорилось прямо, в других — выражалось в описании бессмысленности войны, ее жертв. Весьма популярными в конце войны были песни о переживаниях матери, ожидающей сына домой. Содержание песен этого большого цикла сводится к тому, что мать не дожидается своего единст-

¹ Из песни «Вижу я, на переходе». «Фольклор Восточной Сибири», стр. 16.

² Записано от участника первой мировой войны К. Л. Покацкого в селе Ганзурино Бурятской АССР в 1946 году. Неполный вариант данной песни напечатан в сборнике «Русский фольклор Восточной Сибири», стр. 158.

¹ Из песни «Письмо с фронта». «Фольклор семейских», стр. 167—168.
² Записано от инвалида первой мировой войны Лифантия Дмитриевича Гордеева в селе Тарбагатае Бурятской АССР в 1946 году. Вариант опубликован в сборнике «Фольклор семейских», стр. 170—171.

После этих строк пелся старый припев:

Это царь, это царь,
Первый русский собакарь.
Россия, Россия, жаль мне тебя,
Бедная, горькая участь твоя.

За припевом следовало четыре четверостишия из старого варианта песни. В них в основном воссоздаются события первой русской революции, хорошо известные трудовым слоям русского народа. В песне пелось:

Царь смотрит на народы, Как шулер на подводы. Глокает шибко водку, Залирает свою глотку. А спяна удивился, Разослал манифест: — Мертвым свобода, Живых под арест.	Выслал он казаков По всем городам: — Бейте и грабьте, Награду вам дам. Царь торжествует, Везде вином торгует, Сашка пряники печет, Машка с Треповым живет.

Песня заканчивалась строфой, в которой высмеивались мечты царя о победе над кайзером Вильгельмом, когда было совершенно ясно, что война проигрывается царской Россией:

Николай кричит в бреду:
— Я Вильгельма растопчу.
Соберу большую рать,
На Вильгельма наплевать¹.

Сатирическая народная поэзия в годы первой мировой войны пользовалась большой известностью среди всех трудовых слоев населения страны. Неизвестные авторы сатирических народных произведений били по главному врагу трудового народа — по царю, по самодержавию и его многочисленному аппарату чиновничества. Их они считали главными врагами общества. Затмение и разложение самодержавия шло сверху. Об этом, в частности, говорится в одной из сатирических песенок:

Гришка и Ольга сидят за столом,
Царь Николашка пошел за вином.
Царь Николашка приносит вина,
Царская кухня давно вся полна.
В царской хороме погасли огни,
Гришка и Ольга спать полегли.
Наутро проснулись, болит голова:
— Царь Николашка, тащи-ка вина!²

¹ Записано от Алексея Корнеевича Костина, 1873 года рождения, грамотного, участника первой мировой войны, в селе Ленинске Ленинского района Еврейской автономной области Хабаровского края в 1967 году. Вариант этой песни записан в городе Туране Тувинской АССР от Т. И. Тарабарова в 1960 году. Оригинал записи хранится в материалах Г. Н. Курбатского.

² Записано от А. К. Костина в 1967 году. Один из вариантов песни записан в поселке Тодже Тувинской АССР в 1960 году от С. А. Новоселова. Оригинал записи хранится в материалах Г. Н. Курбатского.

Этими же мотивами проникнуты частушки того времени. Во многих селах и деревнях, в рабочих поселках и на станах золотых приисков Сибири их пели совершенно открыто, полиция боялась преследовать певцов за пение антицарских песенок. Приведем для примера три наиболее характерные частушки, распевавшиеся в конце войны:

Мы урядника побили,
Станового бить идем.
Нам полиция знакома,
Мы в тюрьму не попадем.

В Петрограде снег пушистый,
Ночь морозная кругом.
Александра и Распутин
Наслаждаются вдвоем.

— Чья это улица?
Чей это дом?
— Царь Николашка
Торгует вином¹.

Как видим, в конце войны основными «героями» народной сатиры стали царь Николай Второй, его жена Александра Федоровна Романова, дочери царя Мария и Ольга, царский сатрап, один из организаторов расправы над населением в период первой русской революции Трепов и Гришка Распутин, о котором мы говорили выше. Доставалось в сатире и другим ненавистным народу министрам, генералам и разным чиновникам. Сатира была очень богатой и разнообразной, она, как и другие жанры, охватывала многие стороны жизни страны в период первой мировой войны. Сатирическая поэзия в предоктябрьские годы может служить самостоятельной темой для большого монографического исследования. Разработка ее будет большим вкладом в отечественную фольклористику. Сатира широко использовалась в агитации и пропаганде, которую вели противники войны.

На заключительной стадии первой мировой войны все больше бытовало песен, призывавших к свержению царя, к уничтожению самодержавно-крепостнического строя. Часть этих песен была создана в период русской революции 1905 года и русско-японской войны, часть их составили новые песни, появление которых было обусловлено тем, что старые мотивы не отражали состояния дел в стране и новых политических веяний. Вся народная поэзия того времени была направлена по своему содержанию на скорейшее прекращение военных действий. Народу нужен был мир, он не хотел больше проливать кровь в угоду самодержавию.

Жажда мира и необходимость социального переустройства жизни в стране находили свое воплощение во всех без исключения жанрах народной поэзии, но особенно ярко эти идеи воплотились в песнях, требующих прекращения войны и свержения монарха. Наиболее распространенной в тот период была песня

¹ Из материалов Г. Н. Курбатского, хранящихся у собирателя.

«Есть на свете русский царь», распевавшаяся, как свидетельствуют участники первой мировой войны, сначала солдатами в окопах, а потом в различных уголках страны. Варианты этой песни по своему размеру были разными — 30—50 строк и более. Мы остановились на наиболее популярном варианте, который повторяется в записях чаще других. В начале песни дается характеристика царю, говорится об его отношении к народу:

Есть на свете русский царь, Православный государь, Правит Русью он давно, Скоро выгоним его. Он гуляет, тризну правит, Нашу кровушку сосет, Его надо обезглавить И вернуть с войны народ.	Люди гибнут все зазя, Дальше миловать нельзя, На царя войной пойдем, В порошок его сотрем. Всех война нас закрутила, В гроб-могилу загнала, Мужиков всех загубила, Сыновей оторвала.

В этой песне появляются старые мотивы, но в них отражены причины, побудившие царя начать войну с Германией:

Тризну правит царь Николка,
Крепко дружит с монополкой,
День и ночь он водку пьет,
Потом песенки поет:
— Мужиков на свете много,
Подходить к ним надо строго,
Строим гнать их всех на бой,
Будет мне тогда покой.

Русский народ давно уже понял дела и мысли своего царя и не хотел больше идти с ним по одной дороге. Народ жаждал свободы, он горел желанием выступить с оружием в руках против прогнившего строя капиталистов и помещиков, мечтал о свержении царя, чтобы навсегда избавиться от произвола монархии. Анализированный вариант песни заканчивается призывом к борьбе против царя, которому уже приготовлено ложе для вечного покоя:

Не забудь ты, царь Николка,
С сворой пьяных палачей:
В руки мы возьмем винтовки
И пойдем на богачей.
Пожил, хватит, царь Николка,
Погубил народу сколько,
Отправляйся на тот свет,
Вот тебе такой совет.
Ты за жизнь не цепляйся,
Поскорее собирайся,
Гроб сколоченный краса,
Он давненько ждет тебя¹.

¹ Текст песни записан во время исполнения ее группой участников первой мировой войны — Яковом Захаровичем Бурлаковым, Степаном Егоровичем Истоминым, Степаном Алексеевичем Брянским, Иваном Ксенофонтовичем Баранчуковым и другими — в селе Брянске Кабанского аймака Бурятской АССР в 1952 году. Наиболее полный вариант этой песни записан неизвестным лицом в 1917 году в Забайкалье — в селе Александровский Завод и хранится в материалах Г. Т. Петрова-Трофимова.

Такая политическая народная поэзия играла большую роль в воспитании сознания широких трудящихся масс. Она подготавливала народ к пролетарской революции, к мысли о необходимости свержения царя, уничтожения всего эксплуататорского строя и установления власти рабочих и крестьян.

Таким образом, народные песни первой мировой войны составили новую страницу в истории развития устного народного поэтического творчества. Как мы видели, от первых частушек и песен, появившихся в начале войны и отражавших военные события и рекрутчину, этот жанр развивался в направлении всестороннего освещения военной, гражданской и политической жизни страны.

Если в первые годы войны песни, как правило, касались только переживаний людей, находившихся на фронте, или условий жизни в тылу, то в последующие годы они, кроме того, призывали людей труда к открытой борьбе с классовыми врагами, к изменению социального строя.

Мы не касаемся больших циклов песен первой мировой войны об ужасных условиях жизни военнопленных, попавших в Германию¹. Эти песни были хорошо известны на фронте и в тылу. Не использованы нами и песни, освещающие взаимоотношения отдельных стран в период войны², и многочисленные песни, в которых дается обзор положения дел в отдельных странах³.

Из сказанного можно сделать вывод, что песни первой мировой войны интересны как по содержанию, так и в идейно-художественном отношении. Русские песни прежде всего отличаются своей гуманностью, они воспевают высокие морально-этические качества русских солдат, патриотизм, любовь и преданность Родине, в то же время осуждают, высмеивают или проклинают тех, кто ради личного благополучия предаст интересы отечества, народа.

В песнях первой мировой войны проявились лучшие традиции устного поэтического творчества предшествующих лет. Большое влияние на народные песни оказала революционная поэзия, как устная, так и письменная, получившая к тому времени значительное распространение по всей стране. Народная поэзия того периода является историческим художественным поэтическим памятником первой мировой войны, в клокочущей буре которой лопнула цепь империализма и родилось первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян. Изучение дум и чаяний народа именно в этот период особенно важно в общей научной проблеме истории развития русского фольклора.

¹ Наиболее характерными из них являются варианты песни «Как в европейскую войну был я у немцев в плену». РО БФ, инв. № 3210, папка 1, лл. 80—82. Один из известных текстов песни «В чужой стране изнемогаю» опубликован в книге «Русский фольклор Восточной Сибири», ч. I. Улан-Удэ, 1958, стр. 17.

² Например, популярной является песня «Франц Вильгельм и турок плачет», вариант которой имеется в РО БФ, инв. № 3271, п. 2, лл. 79—80.

³ На эту тему бытовало несколько вариантов песен под общим названием «Настало время — двадцатый век». Последняя запись, произведенная в 1971 году, хранится в РО БФ, инв. № 3271, п. 2, л. 40. Наиболее полный вариант данной песни напечатан в сборнике «Фольклор семейских», стр. 154—155.